

Александра Мадунц

БОЖИЙ
ОДУВАНЧИК

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Леди-детектив (Вече)

Александра Мадунц

Божий одуванчик

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Мадунц А. И.

Божий одуванчик / А. И. Мадунц — «ВЕЧЕ», 2025 — (Леди-детектив (Вече))

ISBN 978-5-4484-5695-4

В книгу вошли два остросюжетных детектива известной петербургской писательницы Александры Мадунц. В романе «Божий одуванчик», казалось бы, безобидное дело – перевести старушку через дорогу – привело юную Надю к необходимости самостоятельно расследовать убийство. Зная она это, наверняка убежала бы со всех ног, хотя, возможно, и нет – ведь тогда не произошло бы встреч с такими разными людьми, включая Его, единственного и неповторимого... Во втором произведении – «Спящая красавица» – известный фотохудожник убит как раз в тот день, когда с ним крупно поссорилась его любовница Тамара. Именно она и становится главной подозреваемой. Но постепенно выясняется, что еще у многих был мотив для убийства. Богемная среда непредсказуема, а тут еще Тамарой увлекается крупный бизнесмен. Кто узнает правду? Да и есть ли она, одна правда для всех?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5695-4

© Мадунц А. И., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Божий одуванчик	6
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Часть 2	35
Глава 1	35
Глава 2	37
Глава 3	41
Глава 4	43
Глава 5	48
Глава 6	51
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александра Мадунц Божий одуванчик

Серия «Леди-детектив»

© Мадунц А.И., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Божий одуванчик

Часть 1

Глава 1

Машины мчались нескончаемым потоком, а зеленый свет все не загорался и не загорался. Люди на поребрике покорно ждали. Сперва я развлекалась мыслью, что, согласно вечному спору Петербурга с Москвой, в столице нам пришлось бы стоять на бордюре, затем вспомнила объяснение знакомого строителя: бордюр находится на одном уровне с основной поверхностью, выделяясь фактурой или цветом, а поребрик приподнят, у него ребро. Покрутив головой в поисках ребра, я поняла, что ждать можно до бесконечности, поскольку на фонарном столбе красуется магическая кнопка.

Нажав на нее, я вернулась к переходу. Светофор радостно замигал. Старушка отвела взгляд от дороги и растерянно посмотрела на скопившуюся толпу. Что будет дальше, я прекрасно знала. Из всех окружающих бабушка выберет именно меня и попросит помочь ей перейти улицу. Ума не приложу, чем это вызвано, но ко мне регулярно – я бы даже сказала, ежедневно – обращаются посторонние. Чаще всего я сообщаю им, который час, однако этим мои функции не исчерпываются. Старушек и детей я переправляю через оживленные магистрали, девочек вожу в лифте. Девочка обычно объясняет, что мама запретила ехать с подозрительными личностями, пришлось долго ждать неподозрительную, то есть меня. Наибольшим шедевром считаю поведение окружающих в Минске, где я пробыла ровно один день. Каждые пять минут у меня спрашивали, как куда-либо добраться! Спасало одно – почти всех интересовал вокзал, а он являлся тем единственным объектом, путь к которому был мне знаком.

Короче говоря, я не стала дожидаться просьб со стороны старушки и обратилась к ней сама:

– Вам помочь?

Если правда, что у каждого человека есть ангел-хранитель, мой, наверное, в тот момент чем-то отвлекся – иначе двинул бы меня в челюсть, заставив прикусить язык. Увы, вредный ангел бездействовал, и привычный вежливый вопрос был задан. Он-то и вовлек меня в череду событий, круто переменявших дальнейшую жизнь.

Впрочем, начиналось все совершенно невинно. Старушка ласково улыbnулась, взялась за мой локоть, и я невольно вспомнила шаблонное выражение «божий одуванчик». Точнее сказать нельзя! Представьте себе женщину лет семидесяти или даже восьмидесяти, невысокую, сухонькую, прямую, с изрезанным морщинами, однако вполне благообразным лицом. Волосы моей новой знакомой были тщательно забраны в пучок, и вообще она казалась на редкость чистенькой и аккуратной. Ее безупречно выглаженное темное платье было не из тех, что бросают вызов возрасту и потому у меня лично вызывают жалкое ощущение. Нет, она была одета так, как и положено очень пожилой даме, следящей за собой, однако не питающей на свой счет иллюзий.

– Благодарю вас, милая барышня, – без тени иронии при последнем слове поблагодарила случайная знакомая, перебравшись на другую сторону улицы. – К сожалению, я не знаю вашего имени. А мое Софья Александровна.

– Я Надя. Очень приятно.

– Вы сейчас спешите, Надя? Я с удовольствием пригласила бы вас выпить со мной чашку чая. Живу я отсюда в двух шагах. – Софья Александровна улыбнулась и добавила: – Познакомлю с Амишкой. Он вам понравится.

– Дружком, – машинально перевела я.

Мне стало грустно. Всегда огорчаюсь, сталкиваясь с одинокими старыми людьми. А старушка, видимо, была настолько одинока, что ей даже чаю не с кем попить. Амишка ведь, подозреваю, собака и к чаю равнодушен.

– Вы, похоже, владеете французским, Наденька? Сейчас в большем ходу английский. Вернее, его колониальный вариант.

– Колониальный – это американский? – уточнила я, с трудом удержав улыбку по поводу столь оригинального для наших дней подхода. – Увы, английским владею средне, а по-французски и вовсе знаю только несколько слов. В основном из романов Толстого и Достоевского.

– Вот мы и пришли. Четвертый этаж, но без лифта. Вас это не очень затруднит?

– Надеюсь, не больше, чем вас, – искренне заметила я.

– Я хожу пешком. Это позволяет сохранить фигуру. Вы, молодые, предпочитаете диету, но поверьте, моцион в этом смысле гораздо полезнее. Вот сколько бы вы мне дали лет?

– Семьдесят, – поразмыслив, назвала я цифру, которая, по моим представлениям, ни в коем случае не превышала истинного возраста Софьи Александровны.

– Восемьдесят шесть.

– Сколько? – опешила я.

– Восемьдесят шесть. Вы, конечно, думаете – так долго не живут, – весело засмеялась старушка моему удивлению. – Однако я надеюсь прожить еще какое-то время. Причем каждый день – с интересом и удовольствием. В этом и состоит основной секрет.

Софья Александровна нравилась мне все больше и больше. Откровенно говоря, не люблю нытиков и обожаю оптимистов. Разумеется, нытик вполне может оказаться порядочным человеком, а оптимист – мерзавцем, однако трудно отрицать тот факт, что первый делится с окружающими плохим, а второй – хорошим. У жизнерадостного человека наверняка есть свои проблемы, просто он не считает себя вправе взваливать их на других.

Между тем моя спутница возилась с замками. Их было несколько и, похоже, довольно затейливых. Это не очень вязалось с доверчивостью, с которой она пригласила к себе малоизвестного человека, однако я быстро сообразила, что квартира в центре города, в старом фонде, наверняка подвергается куда большему риску, чем моя окраинная живопырка. А когда оказалась внутри, так и вовсе перестала удивляться, и тот факт, что старушка тут же задергала какие-то рычажки, видимо, отключая сигнализацию, я приняла за должное. Мне почудилось, что я попала в музей.

Первое, что заставило остолбенеть, – камин. Мраморный! Мало того – украшенный мраморными же амурчиками, донельзя аппетитными. Какие у них были попки – мм! На каминной полке красовались различные фарфоровые безделушки, от кошечек с собачками до изысканно одетых кавалеров и дам. Я, призвав на помощь все свое воспитание, с трудом заставила себя отвести взгляд – и он уперся в резное бюро красного дерева, на гнутых ножках, изображающих химер. Роскошное зеркало в бронзовой раме отразило мое ошеломленное лицо, но я не стала всматриваться и прошла вперед, к винтовой лестнице, круто уходящей вверх.

– А это куда? – мое воспитание явно сдалось под давлением жизненных обстоятельств.

– В мансарду. Но там не прибрано. Я, знаете ли, как белка, тащу в свое гнездо всякий хлам и не могу с ним затем расстаться, а отправляю в мансарду.

– Мансарда... – мечтательно повторила я.

Слово-то какое, а? Это тебе не жалкий чердак!

– Возможно, вас заинтересует библиотека? А мы с Ами пока займемся чаем.

Я лицемерно предложила свою помощь, однако в ответ с облегчением услышала, что чай – это для Софьи Александровны ритуал, и занимается она им всегда собственноручно. Амишка – симпатичный старый пекинес, похожий на игрушечного льва – тщательно обнюхал мои ноги и, видимо, решив, что меня вполне можно оставить без присмотра, одобрительно твякнул. Я шагнула в библиотеку и забыла обо всем.

С самого детства литература – моя страсть. Стоило мне научиться читать, и проблемы, чем занять ребенка, у мамы не стало. Проблема встала другая – оттащить ребенка от книги и выпихнуть погулять. А едва я достигла того возраста, когда мне стали выдавать карманные деньги, как превратилась в постоянного посетителя магазинов «Старая книга» – этого Клондайка, где каждый раз надеешься найти золотые россыпи в виде потрепанного тома любимого автора. И, признаюсь, мне в данном отношении всегда везло, я нередко отрывала совершенно уникальные издания. Электронными книгами по необходимости пользуюсь, но удовольствия от них гораздо меньше, а даже недолго полистаешь знакомые бумажные страницы и сердце радуется. Однако по сравнению с библиотекой Софьи Александровны мои скромные достижения просто ничто.

Ах, эти книжные полки, простирающиеся от пола до потолка! И не обычного новостроечного потолка, до которого вот-вот достанешь рукой – а высоченного, теряющегося где-то в туманной дали. С горечью думаешь, что там, наверху, таятся как раз самые чарующие книги, только их никак не достать – и тут же замечаешь специальную передвижную лесенку, и взбираешься на нее, и нежно трогаешь корешки. Вот подборки дореволюционных журналов... вот первые издания поэтов Серебряного века... а вот несколько полок, целиком посвященных декабристам, и старинные труды с ятями соседствуют с самыми современными исследованиями. А вот... а вот...

– Наденька, чай готов.

– У вас фантастическая библиотека, Софья Александровна.

– Ее начал собирать еще дедушка, потом родители. Да и я, конечно, немало прибавила.

Хорошие книги и антиквариат – это моя страсть.

– А антиквариат здесь тоже фамильный?

– В основном, да. Например, это бюро с секретом принадлежало дедушке. Зеркало было куплено на шестнадцатилетие маме. Кое-что в трудные времена пришлось продать, но сейчас мне удалось почти полностью восстановить интерьер. Разумеется, не все вещи здесь те, которые принадлежали моей семье, однако если и заменены, то весьма похожими.

Мне захотелось поинтересоваться, откуда же Софья Александровна берет деньги на столь дорогостоящее увлечение, но я постеснялась. Мы пошли пить чай с печеньем и вареньем, сопровождаемые жалобно повизгивающим Амишкой. Впрочем, жаловался он зря, поскольку и ему печенья перепало немало. Гостеприимная хозяйка рассказывала мне о прошлом, а я с упоением слушала. Определенно, мне сегодня повезло!

– Наденька, – чуть смущенно спросила вдруг Софья Александровна, – у вас на завтра есть какие-нибудь планы? Вы очень заняты? Дело в том, что я хочу съездить на прогулку в Павловск, а одна опасаясь. Все-таки я уже не столь молода...

– Вы хотите, чтобы я поехала с вами? – догадалась я. – С удовольствием. Я обожаю Павловск весной. Там все так красиво цветет!

– Я рада, что у нас схожие вкусы. Я тоже поклонница цветения. Восемьдесят седьмой раз вижу весну и не устаю наслаждаться.

Глава 2

Вот так мы и сдружились. Поездка в Павловск оказалась весьма приятной. Мы гуляли троим – Софья Александровна, я и Амишка. Мое первое впечатление – что я познакомилась

с весьма интересной и нестандартной личностью, – подтвердилось. Например, как вам понравится, что старушка-божий одуванчик таскала с собой дорогуший фотоаппарат и призналась, что почти никогда с ним не расстается? При этом снимала очень редко.

– Каждый кадр должен быть тщательно выверен, иначе какой в нем толк? Дома напечатаю, а исходник удалю.

– Зачем? – не поняла я.

И Софья Александровна с лукавой улыбкой ответила:

– Рано или поздно вы поймете, Наденька: ценность имеет лишь неповторимое.

Поразительно, да? А уж эпизод с Амишкой просто достоин быть запечатлен в анналах истории.

Представьте себе аккуратную сухонькую особу восьмидесяти шести лет, ведущую на поводке маленького пушистого пекинеса. Они спокойно идут вперед, пока не наткнутся на двух амбалов, полностью загораживающих собой неширокую аллею. Оба амбала одеты во что-то кожаное и в стельку пьяны.

– Давайте пойдем обратно, – предлагаю Софье Александровне я. – Они, по-моему, будут тут стоять до конца света.

– Ну зачем же, Наденька? – удивляется моя спутница и вежливо обращается к одушевленной преграде: – Молодые люди! Я бы рекомендовала вам отойти чуть в сторону, а то моя собачка может вас укусить. К сожалению, она противница спиртного.

Парни заготовали, и один из них нагнул, чтобы ткнуть пальцем Амишке в морду. Вот этого ему не следовало делать! Куртка, разумеется, слегка задралась, и на полностью защищенном кожными доспехами теле возникла голая полоса. В нее-то и вцепился мудрый песик, а, вцепившись, вовсе не собирался отступать. Пострадавший взвыл.

– Ведь я же вас предупреждала, – с кроткой укоризной заметила Софья Александровна. – Ами, милый, ты бы его отпустил. Понимаете, Ами очень настойчив, и его обычно нелегко уговорить отказаться от своих намерений. Разожми челюсти, дорогой. Ты уже не так молод, чтобы рисковать своими зубами.

Она нежно, но настойчиво отцепила Амишку и, поставив его на землю, спокойно пошла дальше, не оглядываясь назад, а я, с ужасом ожидая удара в спину, двинулась за ней. Слава богу, никакого удара не последовало.

– И не могло последовать, Наденька, – объяснила мне спутница. – Люди такого склада никогда не станут связываться с теми, кто способен дать им отпор. Они выбирают беззащитных.

– Пожалуй, – согласилась я. – А вы хорошо разбираетесь в психологии.

– Люди – интереснейший объект. Вот, например, эти двое. Они просто созданы для того, чтобы ими управляли. Если б я ими заинтересовалась, манипулировать ими было бы проще простого. У них все на поверхности.

– Ими наверняка кто-нибудь уже управляет. Скорее всего, это какие-то мафиозные шестерки. А вы любите манипулировать людьми?

– Поверьте, это ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение. Разумеется, есть наслаждения чудеснее – природой, например, или музыкой, – но из интеллектуальных оно всего выше.

Я, догадавшись, засмеялась:

– Вот и мною вы манипулируете, да? Сразу поняли, с кем имеете дело, и легко получили от меня то, что захотели.

Софья Александровна внимательно на меня посмотрела:

– Неужели вы говорите это без обиды?

– А на что тут обижаться? Я не делаю ничего, что мне неприятно. Даже наоборот. А то, что умному человеку видны некоторые особенности моего характера, совершенно естественно.

– Я рада, что вы это так воспринимаете. Я тоже не нахожу ничего обидного в том, что мне именно вас захотелось иметь с собой рядом на прогулке. Да, я поняла, что не получу отказа. Мне ведь не пришло в голову просить вас, например, сходить в собес за моими справками о льготах.

– Почему же? Если надо, схожу, – предложила я.

Теперь пришла очередь смеяться моей собеседнице:

– Сходить вы, Наденька, конечно, можете, а вот справки получите вряд ли. Отстоите огромную очередь, а вам сообщат, что этим вопросом занимаются на другом этаже. Там вы снова отстоите очередь, и вас пошлют куда-нибудь еще. А в третьем месте перед вашим носом закроют дверь на обед. Ну, а после обеда вам в грубой форме заявят, что посторонним лицам никаких справок не выдается, и потребуют моего присутствия.

– Не в бровь, а в глаз! – согласилась я. – Так оно и бывает. Не любят меня почему-то в кабинетах. А скандалить не умею.

– Поэтому такими делами для меня занимается Зинаида Ивановна. Это моя соседка по лестничной клетке. Мы с вами ее сегодня встретили, помните?

Я кивнула. Зинаида Ивановна мне не понравилась. Это была худая женщина лет шестидесяти с высоким крашеным хной шиньоном и поджатыми губами. При встрече с Софьей Александровной она было попыталась нежно сложить губы в трубочку, однако не больно в том преуспела. Да, посещение кабинетов – желанное развлечение для подобных особ. Только удивительно, что она соглашается получать справки не для себя, а для кого-то другого. Сомневаюсь я в ее альтруизме! С такими возможна исключительно договорная основа, и то следует держать ухо востро.

– О чем вы задумались, Наденька?

Я взяла и честно призналась. С Софьей Александровной мне было настолько легко и просто, что хитрить не хотелось.

– Вы совершенно правы, Наденька. У нас с нею действительно договорная основа, и я держу ухо востро. Она мне оказывает довольно много услуг – помогает по хозяйству и еще кое-какие мелочи. Я рада, что у вас верный глаз. А что вы думаете о характере вон той юной особы? Той, что в пикантных коротких штанишках.

И мы с увлечением принялись рассуждать о том, каков, по нашему мнению, тот или иной человек, причем, как ни странно, разногласий у нас почти не возникало. После первой прогулки последовала вторая. Я стала почти ежедневно забегать к своей новой знакомой на чай, тем более родители мои в конце апреля уехали в деревню, где лет много назад по дешевке приобрели небольшую развалюху. Эту развалюху (точнее, окружающий ее сад) они любят до самозабвения и готовы проводить там по полгода.

Глава 3

Софья Александровна рассказала кое-что о себе. Муж ее ушел в лучший мир больше двадцати лет назад – впрочем, в почтенном возрасте семидесяти двух. У них была единственная дочь, умершая совсем недавно. После ее смерти отношения с внучкой, к сожалению, серьезно разладились.

– Бедная Люба, увы, характером не в нашу породу. Она легко поддается влиянию и не склонна заглядывать вперед. В восемнадцать лет она совершила мезальянс, и это испортило ей жизнь.

Я удивилась:

– Что вы считаете мезальянсом? Вас не устроило происхождение жениха?

– Дело не только в происхождении. В конце концов, многие выходцы из простой среды прославили Россию своими талантами. Сергей же никогда не поднимется над своей средой.

Наоборот. Клерк в заштатном конструкторском бюро – вершина его карьеры. Впрочем, и это не главное. Уровень его эмоциональных и интеллектуальных возможностей очень низок, и диплом о высшем образовании ничего тут не изменил. Зато уровень притязаний превосходит все пределы. Поэтому Сергей убежден, что все его недооценивают и все перед ним виноваты.

– То есть ворчит с утра до ночи? – уточнила я.

– Именно так. Больше всего, разумеется, достается Любе, поскольку она всегда под рукой. Все, что она делает, подвергается критике. Если бы у него была другая жена, он бы, как ему мнится, добился большего. И если б у него были другие коллеги... и другие соседи... и вообще мир вокруг был другим. При этом его мышление абсолютно неконструктивно. Ему никогда не придет в голову задуматься, что за невозможностью изменить мир остается спланировать *собственное* поведение так, чтобы добиться желаемого. Или, в крайнем случае, попытаться изменить свои желания. Время от времени он напивается, однако даже это не приносит ему радости. Он становится более агрессивным, без умолку перечисляя якобы нанесенные ему обиды. Кроме того, он патологически скуп. Сочетание жадности и глупости представляется мне одним из самых неприятных. В такой атмосфере Люба живет уже десять лет. Трудно было бы надеяться, что это не изменит ее к худшему.

– Почему бы ей от него не уйти? Тридцать лет – совсем не много для женщины. К тому же она поддается влиянию, да? Значит, и вашему тоже.

– Вы правы, Наденька, но я дала слово Вере. Вера – моя дочь. Видите ли, в свое время я позволила себе вмешаться в ее личную жизнь. Я по-прежнему считаю, что от этого она стала только счастливее, однако не могу не признать свою неправоту. Она стала счастливее, но неудовлетвореннее. Человек сам выбирает, какие совершить ошибки, и мешать ему не следует даже для его пользы. Любовь к дочери ослепила меня. Я пообещала Вере, что с Любой подобного не повторится. Поэтому я держу нейтралитет. В результате вижусь с Любой, помогаю ей материально, но духовной близости у нас нет. А Сергея стараюсь избегать. К тому же он слишком явно дает понять, что я зажилась на свете. Ему не терпится получить все это, – Софья Александровна сделала широкий жест рукой. – А мне при мысли о том, что столь чудесные вещи достанутся людям, не умеющим их ценить, хочется жить вечно.

«Интересно, – вдруг задумалась я, – а откуда у Софьи Александровны средства, чтобы помогать внучке материально? Не с пенсии же? Или она потихоньку распродает антиквариат? Хотя нет, она его, наоборот, приобретает».

Я вспомнила поразивший меня эпизод. Во время одного из своих визитов я заметила, что хозяйка необычно оживлена. Я любопытствовала, что случилось, и она призналась, что скоро должны принести вещь, которую она искала несколько лет. Это оказался старинный комод, черный с перламутровыми инкрустациями. Однако поразило меня другое. Комод втащили четыре молодых человека, представившиеся посланцами фирмы «Сириус». Этот «Сириус» был мне хорошо знаком. Вернее, хорошо помозолил мне глаза, поскольку его офис располагался на первом этаже того дома, где жила Софья Александровна, и я постоянно проходила мимо.

– А что, «Сириус» занимается антиквариатом? – осведомилась я. Меня это заинтриговало по одной простой причине: в рекламе антикварных магазинов всегда подчеркивается – «мы покупаем антиквариат по самым высоким ценам». Создается впечатление, что цель магазина – купить, а не продать. Или сейчас столько желающих вложить капиталы в старинную мебель, что они стоят в очереди и готовы за что угодно заплатить бешеные деньги? В общем, давно хотелось в этом разобраться.

– Нет, – с улыбкой ответила Софья Александровна, – обычно они не занимаются антиквариатом. Просто они помогают мне решать материальные проблемы. Сейчас принято заниматься благотворительностью, «Сириус» в качестве ее объекта выбрал меня. Мне вообще везет.

Я постеснялась уточнить, выражается благотворительность загадочного «Сириуса» только в доставке комода или также в его оплате, однако в любом случае не удивиться не могла. Потрясающая благотворительность – поставлять старушкам старинную мебель!

Впрочем, Софье Александровне и впрямь везло – или же, что более вероятно, она умела устраивать свои дела. Например, к ней на дачу нас возил на машине некий Андрей – неприятный тип лет двадцати пяти с перебитым носом и татуировкой на обеих руках, столь похожий на мое чисто умозрительное представление об уголовниках, что я не удержалась и откровенно спросила, не сидел ли он в тюрьме – спросила, разумеется, не у него, а у своей спутницы, когда мы остались наедине.

– В колонии, – уточнила она. – Четыре года. Однако освобожден досрочно за поразительно примерное поведение и теперь приобрел дачу по соседству с моей. Там мы и познакомились. Очень удобно иметь под рукой человека с автомобилем, не правда ли? Я в любой момент могу к нему обратиться. Не томиться же в переполненной электричке! К тому же он заодно со своим обрабатывает также и мой участок.

Мои брови поползли вверх, а Софья Александровна спокойно продолжала:

– Там не очень много работы. Я не любительница огородов, и в основном у меня цветы, кусты да плодовые деревья, но пару клубничных грядок стараюсь иметь. И гостям предложить, и самой полакомиться. А об Андрее не беспокойтесь. У нас с ним... ну, по-вашему – бартер. Выбросьте это из головы!

И я почти выбросила, хотя мрачные взгляды, которые бросал на нас бывший уголовник, иной раз заставляли содрогаться, особенно при сравнении с угодливостью его манер. Зато тихой старушке хоть бы что! Сидя в тенечке, она с удовольствием наблюдала, как я купаюсь в речке, и ее несколько не смущали всякие там взгляды.

Глава 4

Встречи с Софьей Александровной принесли мне много радости, однако им был отмерен недолгий срок. Примерно через два месяца после нашего знакомства почти в одиннадцать душного июньского вечера я подняла трубку телефона и с ужасом услышала:

– Это звонят из больницы по просьбе Софьи Александровны Знаменской. Она сейчас у нас и просит срочно приехать.

– Приеду. А что с ней? Сердце?

Она никогда не жаловалась на здоровье, однако в нашем влажном климате даже молодые плохо переносят жару, а ей восемьдесят шесть!

– Нет. На нее было совершено нападение. Травмы очень серьезные. Поспешите, а то можете не успеть.

В панике я тут же вызвала такси. В висках стучало, в горле стоял комок. Нападение! Наверное, какие-нибудь пьяницы. Или подростки, которым нечего делать. Господи, до чего мы дожили! Даже старушка не может спокойно выйти на улицу. Софья Александровна не носила украшений, одета была просто – надо быть совсем идиотом, чтобы на нее напасть. Или пытались ограбить квартиру? Но туда так легко не залезешь, там сигнализация. Мне сказали – можете не успеть. Неужели она при смерти? Много ли надо человеку в ее возрасте! Нет, не верю! Она слишком любит жизнь, чтобы позволить всяким придуркам себя убить. Она выживет!

В больнице мне сообщили подробности, и они не обнадеживали. Нападение было совершено несколько часов назад, когда Софья Александровна повела перед сном погулять Амишку. Она всегда в таких случаях выводила его не в сквер, а на задний двор, полагая, что делать из сквера собачий туалет недостойно петербуржца. Более того – сразу же собирала все за Амишкой и выкидывала на помойку, которая располагалась неподалеку. Вы знаете еще хоть одну

такую женщину? Впрочем, сейчас важно не это. Ее ударили сзади. Скорее всего, удар был бы смертелен, если б верный песик не вцепился в мерзавца, да так, что сломал несколько зубов. Преступник отшвырнул защитника и убежал, и лежать бы Софье Александровне до утра, но соседский мальчишка, посланный матерью вынести мусор, услышал яростный лай и заинтересовался. Он увидел маленького пекинеса и бесчувственное тело.

Травмы оказались более чем серьезны. Повреждены череп и позвоночник. Врачи вообще не понимают, как с такими повреждениями можно жить, а тем более находиться в сознании. Тем не менее Софья Александровна пока жива. Однако вряд ли это продлится долго. Если я хочу, могу к ней пройти. Это ей не повредит. Ей уже ничто не повредит. Главное – чтобы я сняла уличную обувь, остальное никого не волнует. И я, взяв в руки босоножки, побрела куда-то босяком, повторяя про себя снова и снова: «Только бы не заплакать. Я не имею права заплакать. Я должна быть спокойна».

– Наденька, – тихо приветствовала меня Софья Александровна, пытаюсь улыбнуться. – Вы пришли.

– Конечно. И буду ухаживать за вами, пока вас не выпишут. У меня как раз с завтрашнего дня отпуск.

– Долго со мною мучиться вам не придется. Как обидно, что я не доживу до цветения лип! Мне безмерно хотелось еще раз увидеть, как они цветут. Их запах – запах счастья. Почему этот человек не мог подождать хотя бы две недели? Вы ведь найдете его, Наденька, да?

– Я? – последние слова настолько меня поразили, что комок в горле стал чуть меньше, и слезы уже не так подступали к глазам. – Этого... – Я чуть не произнесла «убийцу», но вовремя исправилась, – этого гада?

А потом слезы вновь подошли близко-близко, потому что я поняла: Софья Александровна утратила ясность мысли. В нормальном состоянии она никогда не попросила бы человека о том, что он не в силах исполнить – ни при каких обстоятельствах, даже самых страшных. А найти психа, без причины нападающего на прохожих, не под силу никому. Немотивированные преступления, насколько я знаю, обычно остаются нераскрытыми. Впрочем, разве сейчас это важно? Я должна пообещать хоть луну с неба, лишь бы Софье Александровне стало легче на душе. Сейчас соберусь с силами и отвечу. Главное – не заплакать.

– Вы думаете, Наденька, что это невозможно? Вы многого не знаете. Это была не случайность. У меня есть враги. Это сделал кто-то из них. Он решил освободиться. Но вы найдете его. Вы должны открыть потайной ящик бюро и забрать оттуда сверток. Там все есть. Это сделал кто-то из них, я чувствую это. Вы тоже чувствуете людей, и вы поймете, кто именно. Полиция не станет этим заниматься, и он останется безнаказанным. А вы его найдете. Обещаете? Нет, подождите! – она судорожно вдохнула, словно пронзенная внезапной болью. – Не берите на душу грех. Не обещайте, что вы его найдете. Обещайте сделать все от вас зависящее, чтобы его найти. Именно так. Обещаете?

– Да, – твердо и почти спокойно ответила я. Перед лицом такого самообладания я не собиралась позволять себе истерик.

– Хорошо. Теперь Ами. Вы возьмете его к себе?

– Конечно.

– Жестоко, что сюда не пускают собак. Я не сумею с ним проститься. А теперь позовите, пожалуйста, доктора и медсестру.

– Вам хуже? – у меня зашлось сердце.

– Мне теперь может стать только лучше, Наденька. Но позовите.

Мне было страшно уходить – почему-то казалось, что стоит оставить Софью Александровну одну, и она умрет. Однако она не умерла.

– Я ведь не могу владеть руками? – Она словно не спрашивала, а ждала подтверждения.

– Не можете, – согласился врач.

– Поэтому я делаю устное заявление. В присутствии нескольких свидетелей. Все свое имущество я завещаю Надежде Владимировне Соколовой. Вот она, рядом со мной. Ей завещается квартира со всем содержимым, дача с участком и все, что на данный момент является моей собственностью. Я делаю это заявление, находясь в здравом уме и твердой памяти. Вы слышите меня?

– Да, – кивнула заинтересованная медсестра. – А это законно?

Но Софья Александровна не ответила. Она выполнила то, что считала необходимым, и тихо умерла. Она сказала мне несколько минут назад, что теперь ей может стать только лучше. И я пыталась убедить себя, что она, как всегда, права – а перед глазами стояли цветущие липы, которых ей больше не увидеть.

Очнулась я от резкого мужского голоса, что-то раздраженно бубнящего. Я подняла глаза. Высокий довольно красивый тип лет сорока делал выговор врачу:

– Вы должны были сразу же позвонить моей жене как ближайшей родственнице покойной. Это ваша обязанность. Вы за это получаете деньги.

– Покойной она стала только что, – нервно ответил тот. – А деньги я получаю за другое. Если это можно назвать деньгами.

– Низкая зарплата не освобождает вас от необходимости выполнять свои обязанности. Я буду жаловаться на вас главврачу.

– Хоть господу богу.

«Сергей», – поняла я. Я представляла его себе несколько иначе. Знала, что муж единственной внучки Софьи Александровны любит ворчать, но надеялась, что хотя бы этим делом он занимается с удовольствием. Однако сейчас он нудил над ухом несчастного доктора с видом человека, которому нестерпимо скучно. А где же его Люба? Вот она, стоит у стенки, опустив голову, и мнет в руках носовой платок. Довольно симпатичная, но, что называется, поблекшая. Волосы небрежно обесцвечены, яркий макияж только подчеркивает невыразительность черт. Кажется, она расстроена. Наверное, теперь я могу уйти? Они всем займутся? Впрочем, нет.

– Вы не знаете, – спросила я, – где сейчас Амишка?

Люба подняла глаза:

– У бабушки дома. Не знаю.

– Перед лицом смерти человека, – с готовностью, однако без малейшего оживления повернулся ко мне Сергей, – лишь эмоционально нечуткий человек будет испытывать интерес не к этому человеку, а к его собаке. Есть определенные нормы общественного поведения...

Я не стала слушать дальше. Я повернулась и ушла. Несмотря на боль в груди, от его речей мне нестерпимо захотелось спать. А спать было нельзя, поскольку меня ждало еще одно дело.

Глава 5

Слава богу, Софья Александровна жила недалеко. Я пешком побрела к ее дому, забыв о том, что есть на свете такси... вообще обо всем забыв. Загадочное сияние белой ночи освещало путь, и я почему-то совсем не боялась, хотя обычно остерегаюсь поздних возвращений. Вот знакомый подъезд... ко мне в ноги бросается что-то маленькое, теплое и скулящее. Я поднимаю Амишку на руки. Мордочка у него в крови, и, видя эту кровь, я начинаю плакать, а он слизывает мои слезы и тихо стонет. Так и просидели мы с ним на лавочке у подъезда, а утром сели на метро и поехали ко мне.

Касьян встретил меня возмущенным мяуканьем. Он не привык почивать в одиночестве. Касьян, как вы понимаете, кот. Пятнадцать лет назад я подобрала его на помойке, и семейный совет постановил из экономии назвать приемыша этим редким именем – чтобы, по мудрому замечанию папы, пореже справлять нахалу именины. Ведь у Касьяна они двадцать девятого февраля! Впрочем, и без именин кота баловали невероятно. Он вырос огромным, хотя был

не пушистым, а гладкошерстным – стандартной полосато-серой расцветки. Амишка казался меньше по крайней мере в полтора раза, а то и вдвое. Умом же Каська превосходил всех знакомых мне котов (а может, вообще всех знакомых, причём себя я тоже сюда включаю). Например, писал он прямо в унитаз, да ещё спускал за собой воду, ловко нажимая на рычажок. Правда, теперь я была этому не слишком рада. Он приобрёл вредную привычку вскакивать по звонку моего будильника и опрометью бросался занимать туалет. С возрастом у кота начались нелады с почками, и оккупировал он его весьма надолго. Я, несчастная, бегала вокруг, считая минутки, которых, поверьте, было в обрез – очень люблю поспать и встаю всегда в последний момент. Однако не станешь же сгонять кота с горшка, если он уже приступил к делу! Вот такие у нас с ним проблемы.

Раньше, когда Касьян был моложе, мои родители брали его с собой в деревню, но последние годы он стал плохо видеть, и они предпочитают оставлять его дома. А теперь вот я Амишку привела. Но Каська умный, он не обидится. Ему только надо объяснить.

Я пустила песика обнюхивать квартиру и посадила себе на колени кота.

– Это Амишка. Он у нас будет жить. Всегда. Он хороший. А ты у меня лучше всех, – я поцеловала Касьяна в мордочку. – Вы подружитесь.

Амишка, жалобно поскуливая, прижался к моей ноге, и я подняла его, посадив рядом с Касьяном. Сейчас самый важный момент... только бы они не разругались... умницы вы мои! А теперь – спать. Я легла, и хитрые красавчики пристроились по бокам. Вообще-то для них имеются уютные подстилки, но уж ладно. У них тоже была тяжёлая ночь.

Проснулась я от настойчивого звонка в дверь. Боже, кто в такую рань? Впрочем, часы показывают начало второго, и это неудивительно, учитывая, что домой я вернулась не раньше семи утра. Я накинула халат.

– Кто там?

– Бурков Сергей Викторович с супругой.

Я опешила. Бурков Сергей Викторович, да ещё с супругой? Я впервые слышала это имя.

– Я внучка Софьи Александровны, Люба, – добавил женский голос, а мужской цыкнул: – Не лезь!

Я открыла дверь, и непрошенные гости зашли в прихожую. Однако провести их в комнату я не успела. Сергей начал свою речь немедленно, и в голосе его теперь звучало все, что угодно, только не скука.

– Я не потерплю, – агрессивно заявил он, – чтобы всякие авантюристки вмешивались в дела моей семьи. Моя жена – ближайшая родственница и единственная наследница Знаменской Софьи Александровны, и я могу подтвердить сей факт документально.

– Какой факт? – тупо осведомилась я. Если меня неожиданно вытащить из постели, я всегда плохо соображаю.

– Факт родства, – несколько снизив напор, пояснил Бурков.

«Но не наследования», – машинально подумала я, и тут до меня дошло.

– Вам что, медсестра что-нибудь сказала?

– Эта непрофессиональная особа не может быть свидетелем. Не считайте меня дураком! Я своего не отдам! Не для того я ждал столько лет, чтобы мое наследство досталось постороннему человеку. Закон на моей стороне...

– Подождите, – вставила я, когда мой собеседник на секунду замолк с целью набрать побольше воздуха в грудь. – Я вовсе не претендую ни на какое наследство. Только Амишка и сверток, который Софья Александровна непременно велела мне взять. И все.

– Судебные издержки придется оплачивать вам, – по инерции продолжил Сергей, но Люба взяла его за руку и несколько раз настойчиво повторила: – Ей не нужно наследство, Сережа!

– Что? – наконец-то опомнился он и с подозрением уставился на меня. – Это как понимать?

– Бабушка велела ей взять Ами и какой-то сверток. А больше она ни на что не претендует.

– Твоя бабушка никогда не считалась с разумными доводами. Сколько я доказывал ей, что это старое животное пора усыпить, а она только тратила деньги на его лечение. Деньги, которые должны были достаться нам! И если ты считаешь, что я намерен теперь с ним возиться...

– И не надо возиться. Ами взяла себе Надя, – с ангельским терпением пояснила Люба.

«Усыплять надо не старых животных, а отвратительных людей», – захотелось сказать мне, но я сдержалась. Как бы то ни было, это родственники Софьи Александровны, и я должна держаться с ними вежливо.

– Так вы собираетесь судиться? – уточнил мой собеседник.

– Нет, не собираюсь. Отдайте мне сверток и забудьте о моем существовании.

– Сверток... – медленно процедил Бурков, явно не веря, что все может разрешиться так просто. – А что в нем?

– Не знаю.

– Ах, не знаете! – обрадовался он. – Вы считаете меня идиотом? Это что за ценности должны быть в свертке, чтобы ради него отказаться от квартиры в центре города? И дачи? Благоустроенной, между прочим, а не временки! Имейте в виду, сверток тоже принадлежит мне, и отдавать его я не собираюсь. Я не так прост, как некоторые. С некоторыми, типа моей жены, у вас такие штучки прошли бы, но не со мной. Я не идиот.

От его манеры пережевывать много раз одно и то же сводило скулы, однако я нашла в себе силы спокойно предложить:

– Давайте вместе посмотрим, что там, и если что-то ценное, тогда уж будем решать. Скорее всего, там просто какие-то памятные вещи.

– Памятные вещи? Старинные, полагаю? Вы надеетесь, я не знаю им цены? Не надейтесь! Я честный человек и никогда не брал чужого, но своего отдавать не намерен. И не рассчитывайте! Я предупредил.

Глава 6

Милая пара удалилась, а я села в кресло и стала думать. Думать очень не хотелось, а хотелось плакать, однако я себя заставила. Софья Александровна ожидала от меня не слез. А чего? И вправду, чего она от меня ожидала?

Во-первых, она хотела, чтобы я позаботилась об Амишке. И тот, слава богу, у меня. Грустит, бедненький. Зато с Касьяном сразу подружился. Софья Александровна была бы этому рада. А еще она хотела, чтобы я нашла ее убийцу. И я ей обещала.

И тут я сообразила, что обещала ей не это. Все-таки она – удивительная женщина. «Не бери греха на душу – не обещай, что его найдешь», – кажется, так она сказала? Действительно, кто гарантирует успех? Софья Александровна никогда не попросила бы меня о том, чего я не в состоянии сделать. Меня или кого-нибудь другого. Она слишком умный человек. Я обещала сделать все возможное, чтобы найти убийцу, а для этого прежде всего надо взять в секретном ящике бюро какой-то сверток. Там лежит нечто, что мне поможет. Да что ж такое там лежит? Впрочем, размышлять бессмысленно, надо открыть сверток и посмотреть. Только как его добудешь?

Я вспомнила Сергея Викторовича Буркова и поморщилась. Снова умолять его дать или хотя бы показать мне сверток? Бесполезно. Я хорошо представляла себе его реакцию. Чем больше стану его уговаривать, тем упорнее он будет считать, что я намерена его одурачить. А он, в отличие от всех остальных, не дурак. Поэтому он оставит сверток себе. Хотя, кстати,

понятия не имеет, где его искать. Я ведь не упоминала о ящике бюро, к тому же секретном. Значит, сверток спокойненько будет лежать и ждать меня. Вот если бы как-то проникнуть в квартиру... Интересно, она останется пока пустой или новоявленные наследники въедут туда сразу? Вряд ли сразу – по-моему, вступления в права наследства надо ждать полгода или около того. С другой стороны, формальности формальностями, а жизнь жизнью. Ну, например, ведь должны же они Софью Александровну похоронить. При всей своей мерзости не оставит Бурков ее тело в больнице? Значит, потребуются какие-то ее вещи, одежда. А это все в квартире. Так что зайдут они туда обязательно. Им, конечно, дадут ключи – они ведь родственники. А у меня ключа, к сожалению, нет. Иначе я бы выбрала подходящий момент да и залезла туда тайком. Правда, там сигнализация. Через окно попробовать, что ли? Четвертый этаж, к тому же безумно высокий. Нужен скалолаз, а у меня нет в запасе скалолаза, готового ради меня на преступление. Четвертый этаж. Он же последний. А если через крышу? Господи, каким бредом я занимаюсь! Неужели я – спокойный, законопослушный человек – намереваюсь тайно проникнуть в чужой дом? А что мне остается? Я ведь обещала...

Я велела своим подопечным не скучать и поехала к Софье Александровне. Вернее, нет... Как трудно смириться с тем, что ее уже нет в живых! Я поехала к ее квартире. Бывшей ее квартире. Зашла в подъезд и поднялась на четвертый этаж. Меня так и подмывало нажать знакомую кнопку звонка, однако я понимала, что ничего хорошего меня там не ждет. Поэтому по узкой лестнице я двинулась выше, на чердак. На чердаке висит огромный амбарный замок. Даже если я буду пилить его целый год, вряд ли это ему хоть немного повредит. А сбоку... сбоку лесенка типа пожарной, ведущая прямо в потолок. Я повесила сумку себе на шею, чтоб не слишком мешала, и полезла. Лесенка была ужасно пыльной – видимо, ею давно не пользовались. А люк-то открывается! Вот здорово! Я сделала усилие, толкнула и выбралась на крышу.

Крыша была плоской и удобной, с нее открывалась чудесная панорама. Купол Исаакия блестел словно бы совсем рядом, а Адмиралтейство несло свой волшебный кораблик специально для меня. Облака тщательно продуманными группами оживляли небо. После тяжелых впечатлений последних часов увиденное казалось таким прекрасным, что защемило сердце. Я долго смотрела вдаль, но потом взяла себя в руки, заставив подойти к краю крыши и заглянуть вниз. Сразу же закружилась голова. Нет, только в нынешнем своем полубредовом состоянии я могла вообразить, что долезу по отвесной стене до окна, расположенного довольно далеко внизу. Да и вообще, Софья Александровна слишком дорожила своей обстановкой, чтобы оставить столбовую дорогу ворами, я должна была сразу об этом догадаться. Как ни крути, такой путь не для меня! Тогда какой?

Спустившись на лестничную площадку, я позвонила в квартиру Зинаиды Ивановны, соседки, помогавшей Софье Александровне по дому.

– Кто там? – моментально отозвались из-за двери, словно хозяйка весь день стояла в прихожей в ожидании моего визита.

– Это Надя. Вы знакомы со мной через Софью Александровну. Я хотела бы с вами поговорить.

Раздалось шуршание, и я догадалась, что Зинаида Ивановна смотрит в «глазок». Почему ей было не сделать этого сразу вместо того, чтобы спрашивать, кто там? Теперь металлическое позвякивание – и дверь открывается, однако не до конца, а хранимая цепочкой. Господи, сколько предосторожностей среди бела дня! Хотя, возможно, так и надо. Пронизывающий взгляд тщательно изучил мою внешность, и дрожащая рука откинула цепочку. Я сделала шаг вперед, однако дальше прихожей меня не пригласили и сестра не предложили.

– Извините, что беспокою, – начала я. – Вы ведь знаете о... о несчастье?

– Да. Меня всегда удивляло, что Софа гуляет по вечерам. В ее-то возрасте пора быть умнее! Кругом одни бандиты. Верить нельзя никому! И в квартиру-то могут проникнуть – то,

видите ли, водопроводчиками оденутся, то телеграмму принесут. Я всегда начеку, а она была легкомысленной. Вот и допрыгалась.

«Нарочно они, что ли, сговорились выводить меня из себя?» – подумала я, а вслух сказала:

– Так получилось, что я оставила у Софьи Александровны кое-какие свои вещи. Ничего ценного – книгу и тетрадь, но они мне срочно нужны. Вот и хотела узнать, нет ли у вас ключа от ее квартиры.

Зинаида Ивановна посмотрела на меня с таким торжеством, что в первый момент я даже испугалась, решив, что она разгадала мое вранье. Тем более тут не требуется большого ума. Это кем надо быть, чтобы сразу после гибели человека беспокоиться о своих тетрадках!

Однако я ошиблась. Собеседница вовсе не заподозрила меня во лжи. Вернее, заподозрила, да не в той.

– Ключа у меня нет. Покойница мне его в руки не давала. Под приглядом я у нее работала. А книжку свою у зятяка ее спроси. Там они сейчас, в квартире. Сторожат! У меня там тоже кое-что осталось. Фартук, совок, швабра с тряпкой. Так этот злыдень даже тряпки не отдал. Откуда он, мол, знает, чья она. Я и ушла, несолоно хлебавши. А ведь все это, между прочим, денег стоит. А тебе-то каково! Ублажала старуху, гулять водила, и все, выходит, зря? Зятек-то сидит на ее богатствах и полушки ломаной не даст.

– Это мы еще посмотрим, – неожиданно для себя возразила я. – А вы не знаете, где живет мальчик, который ее нашел?

– Сашка-то? Да в шестнадцатой квартире. Хулиганье, а не парень! Одиннадцать лет сопляку, а туда же – по ночам шастает. Был бы постарше, я б точно знала – это он ее пристукнул. С него станется!

Глава 7

Поблагодарив вежливую хозяйку, я пошла в шестнадцатую квартиру. Измотанная женщина сообщила, что ее сын гуляет на черном дворе. Черный двор – это тот, где совершилось убийство. Подъезды дома были проходными и выходили сразу на два двора – черный и белый. Я отправилась на черный. Группа мальчишек с упоением ползала на четвереньках неподалеку от помойки, и я поняла, что они исследуют место преступления.

– Кто из вас ее обнаружил? – присев на корточки, поинтересовалась я.

– Я! Ведро мусорное выносил – и обнаружил.

– Меня мать тоже с ведром гнала, а я притворялся, что не слышу. Вот обида-то!

Я порадовалась за местных матерей. Ближайшие месяцы проблем с выносом мусора у них не ожидается.

– Расскажи поподробнее, а?

Долго уговаривать Сашку не пришлось.

– Ну, иду я. Слышу – лает кто-то. Я ведро бросил и побежал посмотреть. У бабки этой песик прикольный. Нос курносый и уши по бокам. Вот он и лаял. Не во дворе, почти на улице. Видать, за преступником побежал. Клевый пес! Я тоже на улицу двинул. А он, пес-то, сразу ко мне, и тащит обратно. Во двор то есть. Ну, я думаю, что-то он парит. И пошел. А там – она лежит. Вот на этом самом месте. И крови лужища. Жесть!

Меня затошнило, однако я продолжала внимательно слушать.

– Я покричал ей: «Бабулька, ты живая?» А она мне шепчет: «Скорую». Я к матери, а пока она звонила, обратно прибежал. Но бабулька потом молчала. Только пес выл.

– И что дальше?

– Приехали менты и «скорая». Бабку увезли, а мент со мной разговаривал. Без дураков! Я ему все, как вам, рассказал и улику отдал. Он сказал, что я молодец.

Я вскинулась:

– Какую улику?

– Важнейшую, – убежденно пояснил Сашка. – Собака-то куснула убийцу и откусила от него кусок.

– Мяса? – с ужасом уточнила я.

– Мясо она проглотила, – посмотрев на меня, словно на последнюю дуру, уверило дворовое дитя. – А тряпку выплюнула.

– То есть ты нашел кусок одежды?

– Ну да.

– И как он выглядел?

– Карман с пумой. Такой серебристый, красивый. Выглядел дорого.

Я кивнула. Значит, скорее всего, преступник был в фирменном спортивном костюме. Дает ли мне это что-нибудь? Пожалуй, да. Я, например, надеваю спортивный костюм исключительно для занятий спортом, зато некоторые их таскают, что называется, и в пир, и в мир, – как мужчины, так и женщины. Интересно, могла нанести удар женщина или нет? Если чем-то тяжелым, наверное, да. Тем более, ударили не вполне удачно. Впрочем, трудно судить.

Мальчишки увлеченно обсуждали, кто в их дворе имеет несчастье носить спортивные штаны. Судя по всему, список оказался весьма обширен. Я подумала: а судьба послала мне то, что я ищу. Стоит сказать два слова, дети уже будут на крыше и с радостью полезут по отвесной стене в окно четвертого этажа. Полезть-то они полезут, а долезут ли? Вот сверзится кто-нибудь, и будет у меня на совести детоубийство. Нет, спасибо.

Попрощавшись, я перешла в парадный двор и села на лавочку. Требовалось привести свои мысли в порядок.

– Тебя подвезти, принцесса?

Подняв голову, я увидела типа средних лет с большими черными усами, который гордо похлопывал по призывно распахнутой дверце автомобиля. Судя по самодовольству хозяина, автомобиль был престижный. Впрочем, возможно, самодовольство относилось к усам. Откровенно говоря, терпеть не могу, когда меня называют принцессой, куколкой или другими схожими прозвищами. Хотя чисто внешне я и впрямь смахиваю на соответствующий типаж, надо быть круглым идиотом, чтобы принять меня за подобное существо. Однако нынешние мужчины это обращение к женщине явно считают лестным. Поэтому я решила не обижаться, а вежливо ответила:

– Спасибо, не надо.

Поеду я с ним, размечтался!

– А то прокачу с ветерком. И бесплатно. Для такой куколочки у меня все бесплатно.

Я молча отвернулась, понимая, что человек данного склада любое мое высказывание воспримет как заигрывание, зато молчание ему быстро наскучит. Так и получилось. Как вы понимаете, я жаждала встретить вовсе не его. И через некоторое время мне повезло. Из дома вышла Люба – одна. Я встала.

– Извините, а когда похороны? Уже известно?

– Послезавтра. Это вы нас извините, – покраснела Люба. – Понимаете, у Сережи сложный характер.

– Да уж, – не стала спорить я.

– Он всегда делает по-своему. Возражать ему бесполезно, вы уж поверьте. Единственное, что можно – это тайком сделать, как надо. К сожалению, у меня нет ключей от бабушкиной квартиры. Там сложные замки, и Сережа считает, я могу их сломать. А то бы мы с вами пришли сюда вдвоем, и вы бы взяли то, что вам требуется. Или давайте так: вы мне скажете, где оно лежит, а я постараюсь потихоньку достать и вам принести.

Я на секунду смутилась. Ведь семья Бурковых пока не знает, где спрятан таинственный сверток. Вдруг предложение Любы – хитрый ход, чтобы это выяснить и забрать его себе? Впрочем, нет. Такой ход абсолютно не в характере ни жены, ни мужа. Я уверена, Люба сейчас говорит искренне. Другой вопрос, что если Сергей на нее надавит, она тут же выложит ему всю подноготную, и не видать мне свертка, как своих ушей. Впрочем, мне и так его не видать.

– Это лежит в потайном ящике бюро. Бюро красного дерева в кабинете, помните? Но я не представляю, где там потайной ящик. Его еще надо найти.

– Я попробую.

– Только осторожнее, пожалуйста. Чтобы никто не увидел.

«Никто» показалось мне в данном контексте звучащим приличнее, чем «ваш муж». Собеседница кивнула и направилась через двор к магазину, а я пошла к метро, крайне недовольная собой. Мало того что я не сделала ничего полезного – возможно, я сама себе навредила. Рано или поздно Люба выложит все мужу – в этом я была убеждена. Вопрос в том, что произойдет быстрее – она отыщет для меня сверток или Сергей заподозрит неладное. Слава богу, он дурак, а жена, судя по всему, привыкла с ним хитрить. И все равно большой риск. Я оценила шансы как пятьдесят на пятьдесят и с такими невеселыми мыслями открыла собственную дверь.

Глава 8

Касьян почему-то встретил меня без обычного возмущения долгим отсутствием любимой хозяйки. Вместо гневного мяуканья он лишь ласково потерся о мои ноги. Неужели на него так благотворно повлиял Амишка?

Я заглянула на кухню – и поняла, что о благотворности в данном случае говорить не приходится. Амишка лежал на полу и отдувался, рядом валялся пакет песочного печенья. Я прикинула, что съедено примерно триста граммов. Учитывая, что Касья печенье не любит, приходилось признать, что Ами, подобно птичкам, готов съесть в день столько, сколько весит. Разумеется, я жалела не о печенье, а о глупом песике. Ему противопоказано сладкое, а любит он его до безумия. Я заглянула Амишке в глаза – ну, конечно, совершенно красные.

– Господи, и что мне теперь с тобой делать? Промывание желудка? Как ты умудрился залезть в шкафчик? Это же высоко, а?

– Мяу, – жалобно вставил Касьян.

Я повернулась к нему:

– Признаешься? Ты достал, да? «Дорогому другу окажу услугу». Надо сперва думать, а потом делать. Понятно?

– Мяу, – повторил хитрец и нежно лизнул Амишку в морду.

Слава богу, ветеринара вызывать не пришлось, однако я осознала, что к бесконечному количеству моих проблем прибавилась еще одна – держать в узде поселившихся у меня престарелых бандитов. Весь следующий день они носились по квартире, мешая мне думать. А мысли мои были довольно просты. Для поиска пакета я испробовала все подручные средства. Просила у Сергея. Искала ключ у соседки. Дала поручение Любе. Даже исследовала крышу, в конце концов! Но разумно ли это? Я – человек с высшим университетским образованием, квалифицированный программист. На работе мое основное орудие труда – интеллект. Так почему бы не использовать его в обычной жизни и вместо того, чтобы тыркаться, словно слепой котенок, не составить простейший алгоритм решения задачи? В конце концов, по какой такой загадочной причине, уйдя в отпуск, я сочла своим долгом повесить мозги на гвоздик? Они ведь остались при мне.

Итак, предположим, начальник вызвал меня к себе и попытался объяснить, чего он от меня хочет. А хочет он пакет. Как бы я поступила? Ну, прежде всего, постаралась бы изложить задание более грамотно. Грамотная постановка задачи – половина ее решения. Вот, например,

шеф мой полчаса экает и мекает, а потом начинает заглядывать тебе в глаза и проникновенно повторять: «Все понятно? Все понятно?» Ладно, забуду про него, без того тошно. Возьму-ка лучше листок и ручку.

Я села за стол и записала: *«Цель – добыть пакет. Основная проблема – Сергей Бурков»*. Потом с удовлетворением перечла свою гениальную запись. Вот она, грамотная постановка! Основная проблема – не отсутствие ключа от квартиры, как казалось раньше. Я решала именно ее и закономерно зашла в тупик. А с профессиональной точки зрения – то есть если смотреть в корень, – проблемой является именно Бурков. И решать, соответственно, надо только ее. Но как?

Я покачалась на стуле – дурная привычка – и продолжила: *«Главные характеристики Сергея – жадный и глупый»*. Так, кажется, сформулировала Софья Александровна? Я хотя знала Сергея гораздо меньше, была с нею полностью солидарна. Жадный и глупый – это, пожалуй, неплохо. Вот жадный и умный было бы похуже, а глупого всегда можно обмануть. Я ведь умный человек, правда? Разве умный не в состоянии перехитрить дурака? Я, правда, ни разу еще не пробовала, однако и нужды в этом не было. Теперь нужда появилась, и я недрогнувшей рукой добавила слова: *«Способ – обман»*. Итак, я использовала одно из имеющихся у меня данных, а квалифицированный работник должен бы использовать оба. Поэтому следует закончить так: *«Специфика применения – использование жадности»*. Прекрасно! По столь подробной схеме конкретизировать алгоритм решения сумеет даже практикант. И, бережно спрятав листок, я впервые после смерти Софьи Александровны легла спать со спокойной душой.

На следующий день состоялись похороны. Народу на них почти не было – лишь чета Бурковых да я. На поминки меня не пригласили, однако, едва покинув кладбище, я обратилась к Сергею:

– У меня к вам взаимовыгодное предложение. Есть возможность сэкономить на судебных издержках.

– Каких еще издержках? – раздраженно, но не без интереса буркнул он. – Я не собираюсь судиться.

– Судиться собираюсь я. А издержки оплачивает проигравшая сторона. Я проконсультировалась с юристом.

– Подождите! – даже остановился от возмущения мой собеседник. – Почему это вы считаете, что мне выгодно, чтобы вы сэкономили на каких-то там ваших издержках?

Я удивленно подняла брови:

– С большой вероятностью это будут ваши издержки. Ведь судиться я намерена с вами.

– Со мной?

– Разумеется. Из-за недостаточной юридической грамотности я полагала, что устное завещание не имеет должной силы. Однако по зрелом размышлении сочла разумным обратиться к адвокату.

Бурков слушал меня, словно замороженный. Так и знала, что канцелярский стиль должен действовать на него безотказно!

– Адвокат дал мне платную консультацию. Оказывается, ситуация является спорной. Ваша жена – прямой потомок, и это говорит в ее пользу. Но в то же время устное завещание было произнесено в присутствии свидетелей, среди которых имелись официальные лица. Кроме того, оформление соответствующего письменного завещания являлось невозможным по причинам медицинского характера. Таким образом, имеет место столкновение интересов. Скорее всего, дело будет разбираться долго. При нынешней загруженности судов, может, не один год. Однако я согласна и подождать. До окончания разбирательства квартира и дача будут опечатаны, а счета заморожены.

– Заморожены, – медленно повторил Сергей, и я поняла, что рыба заглотила крючок.

Теперь бы не переиграть. Я не должна выглядеть уверенной в успехе – иначе со мной было бы бессмысленно торговаться.

– Скорее всего, суд вынесет компромиссное решение. Таким образом, наследство будет поделено поровну между мною и вашей супругой. Издержки тоже придется выплачивать пополам. Вот по этому поводу я и пришла. Я не настолько глупа, чтобы платить деньги, которые можно сэкономить. Если не доводить дело до суда, а решить полюбовно, издержек не будет. Разумеется, работу по оценке имущества нам придется оплатить, но это обойдется гораздо дешевле.

И, решив вбить последний гвоздь в гроб своего противника, я любезно добавила:

– Я знаю оценщика, который согласен работать по льготному тарифу.

– Но... но вначале вы хотели получить только пакет. Мне он, правда, пока не попался, но если я его найду... судиться – хлопотное дело. Жаль, что вы передумали. Может быть, вы... То есть я... то есть...

Я ломалась довольно долго, однако в конце концов позволила себя уговорить. Вернее, сделала вид, что колеблюсь. Бурков воспрял духом. Он явно считал, что проявил чудеса ума и сейчас перехитрит жадную, однако, как и все женщины, весьма недалекую особу. Ему даже не приходило в голову сопоставить различные стороны дела. Ведь если б я и впрямь была столь корыстна, никакие уговоры не заставили бы меня отступить от цели, и на пакет, ценный лишь как память о Софье Александровне, мне было бы плевать.

Короче, вскоре я стояла у заветного бюро, а Сергей потел над текстом бумаги, где я отказываюсь от наследства. Люба вела себя тихо, словно мышка, и я заподозрила, что кое-какие гены от бабушки она все-таки унаследовала и головой пользуется несколько чаще, чем муж.

Бюро было очень красивым. Из красного дерева, а инкрустировано тоже деревом, однако других пород. Зато конструкция этого антикварного предмета мебели оказалась мне довольно странной. Сплошные ящички – внизу покрупнее, сверху помельче, а посередине нечто вроде фриза с изображением цветочных гирлянд. Вот у моего письменного стола, например, три ящичка, так я и то вечно забываю, что куда положила. Как наши предки умудрялись не путаться в таком вот бюро! Наверное, делали наклейки – «деловые письма», «любовные письма», «приглашения на рауты». Мне бы их заботы!

Вздыхнув, я принялась выдвигать все подряд, не слишком, впрочем, надеясь на успех. Мне ведь требовался не обычный ящик, а потайной, а он тем и отличается, что с ходу его не видно. С помощью Любы я вынимала бумаги (впрочем, они были не везде), а потом внимательно осматривала пустой ящик в поисках чего-нибудь необычного. Сергей метал на нас подозрительные взгляды, уверенный, что я мечтаю что-нибудь стянуть. Кроме того, каждые пять минут он нервно спрашивал: «Ну, нашли?», явно опасаясь, что я опомнюсь и передумаю. Меня терзали те же опасения в отношении него, причем каждый был убежден, что ловко обманывает другого. Работа продлилась больше двух часов – безрезультатно. Тогда мы отодвинули бюро и простукали его заднюю стенку – снова без толку. Под подозрением оставался только фриз. Я начала тщательно ощупывать выложенный на нем орнамент, и в какой-то момент – о радость! – часть фриза отъехала в сторону, за ним мы увидели свободное пространство, а там... там плоский широкий пакет.

Я вытащила его на свет божий. Обычный большой пакет из целлофана, заполненный бумагами. Бурков тут же выхватил какую-то тетрадку и открыл на середине.

– Почерк бабушкин, – тихо заметила Люба. – Дневник?

Ее муж вернул тетрадку мне и достал черно-белую фотографию, потом справку о регистрации брака. Это его удовлетворило.

– Все разумно, – констатировал он. – Софья Александровна оставила вам старые снимки и памятные вещи. Я на них не претендую. Вы согласны подписать?

Я прочла, что признаю Любу законной наследницей, поставила свою подпись, попросилась и ушла. Не знаю, правильно ли я поступила. Конечно, с одной стороны, я нарушила этим волю Софьи Александровны, выраженную недвусмысленно и четко. Она назначила наследницей меня. С другой же стороны, она изучила меня достаточно, чтобы быть уверенной: судиться я не стану. И достаточно изучила Сергея, чтобы не надеяться на то, что тот уступит без борьбы. Быть может, ее целью было не столько оставить мне свое имущество, сколько дать в руки оружие, с помощью которого я могу получить пакет? Или я фантазирую, приписывая бедной старушке совсем уж невероятную прозорливость? А в пакете обычные бумажки, ими всякий обрастает в течение жизни. Нет, не верю! Там что-то необыкновенное! Даже черно-белые бумажные фотографии не обязательно старые – Софья Александровна при мне снимала и печатала, а исходники уничтожала. «Ценность имеет лишь неповторимое», – говорила она.

Глава 9

Я почувствовала, что не в силах дотерпеть до дома, и, едва зайдя в метро, наугад выудила снимок. Выудила – и застыла. Нет, не такими бумажками положено обрастать тихим старушкам! На фотографии в профиль была запечатлена парочка – необычайно красивый блондин и элегантная блондинка с подозрительно пухлыми губами. Она с улыбкой упоения... ну, скажем так – расстегивала ему брюки. Впрочем, ее руки несколько прикрывали объект и потому предположить можно было многое, я же привела вам версию, адаптированную для маленьких детей. Однако даже эта версия впечатляла, особенно по контрасту с выражением лица партнера. На лице у него был написан панический ужас.

Я срочно спрятала фотографию обратно в сумку, пока в нее не сунул нос какой-нибудь подросток, однако увиденное продолжало стоять перед глазами. Дело в том, что фотография, хоть и черно-белая, была сделана с поразительным мастерством. Говорят, многие профессионалы предпочитают черно-белый стиль? Будь я владельцем порнографического журнала, заплатила бы за этот фантастический кадр любые деньги. Иногда вижу, как мужчины листают подобные издания, и всегда удивляет: помещена, предположим, на обложке полуголая девица с расставленными ногами, а вид у нее при этом такой, что понимаешь – сидит она, несчастная, у гинеколога и размышляет, обнаружат у нее сифилис или нет. В лучшем случае твердо знает, что с венерическими болезнями все в порядке, и, скучая, ждет своей очереди на осмотр.

Фотография, доставшаяся мне, была совсем иной. От нее за версту разило сексом. В конце концов, поза позволяла предположить, что блондинка – медсестра и раздевает прибывшего в больницу пациента. Однако подобная мысль казалась абсурдной. Обнаженного тела не было, но не оставалось ни малейшего сомнения, что через пару секунд девица сорвет со своего партнера то, что сумеет, и набросится на него всеми возможными способами. Более того, закрадывалось подозрение, что, если взглянуть на фотографию снова, именно это там и узрешь, словно изображение не статично, а живет своей собственной жизнью.

Вытаскивать из пакета что-нибудь еще я не рискнула, решив подождать до дома. А дома ждали не выгулянные бандиты, причем Амишка жалобно скулил. Наступив на горло собственному нетерпению, я вывела их во двор. Песик радостно бросился вперед, потом вернулся, потом опять убежал и отсутствовал довольно долго, а, возвратившись, завыл так душераздирающе, что я поняла – он надеялся... надеялся на встречу с хозяйкой, которую не встретит больше никогда. Ненавижу, ненавижу мерзавца, убившего Софью Александровну! Знаю: ненависть – несправедное чувство, только ничего не могу с собой поделать. Я его ненавижу, и я приложу все усилия, чтобы его найти.

Мы поднялись в квартиру, и я дала Амишке печенье, хоть ему и нельзя. Но он на него даже не посмотрел. У меня так щемило сердце, словно кто-то сжимал его рукой. Я села и вывалила на стол все доставшееся мне добро. Оно разделялось на три категории: общая тетрадка

в клеенчатой обложке, исписанная, судя по Любиным словам, Софьей Александровной, фотографии и разрозненные бумаги – в основном какие-то справки.

Я решила, что судьба советует начать с фотографий. Их было много, и отнюдь не все, слава богу, посвящены эротике. Передо мной лежало девятнадцать конвертиков, каждый из которых, судя по всему, связан с конкретным человеком – в основном мне неизвестным. Впрочем, кое-кого я узнала. Например, на четырех снимках фигурировал Андрей – тот самый бывший уголовник, который возил нас за город. На первом он сидел на скамейке в парке рядом с каким-то типом, на втором с тем же типом обедал в кафе, на третьем выпивал с отвратительным мордороротом, а на последнем, высунув голову из двери здания, украшенного вывеской «Отдел МВД России», затравленно озирался. Все фотографии отличала та же особенность, что и снимок, увиденный мною раньше, – удивительная живость и... недвусмысленность, что ли? Например, никто не усомнился бы, что Андрей вовсе не случайно подсел на скамеечку к постороннему человеку, а хорошо знаком с соседом и ведет с ним серьезную беседу. Ну и что? Что мне это дает? Да ничего, пожалуй.

Еще меньше толку оказалось в остальных конвертах. Кстати, кадр со сладострастной блондинкой встречался сразу в двух – в обоих было по три различных изображения поразившей меня парочки, только в одном еще лежала фотография того же красавца с другой партнершей. Я решила, дублирование объясняется тем, что интерес вызывает как он, так и она, каждому посвящена своя серия снимков. Господи, неужели у Софьи Александровны мания подглядывания? Нет, не может быть! Здесь должен присутствовать некий смысл, и мне надо его отыскать.

Впрочем, какой тайный смысл можно найти в огромном количестве фотографий обычных людей за работой или разговором? Распечатывать ради неповторимости что-то красивое – это я еще готова понять, но тут просто бытовые эпизоды! Я надеялась обнаружить еще хоть кого-нибудь из знакомых, однако, кроме жизнерадостного усача, пробудившего во мне смутные воспоминания, ничего не нашла. Усач был сексуальным маньяком и трудоголиком – лапал множество женщин, при этом даже не выключая компьютера, а также заинтересованно тряс различными документами перед неизвестными мужчинами. Его конверт был самым толстым, если не считать очень большого пакета, предназначенного, видимо, для бандеролей и набитого не тематически, а разрозненно всем подряд.

У меня зашел ум за разум, и я отложила снимки в сторону. Глупо было начинать осмотр с них. Начать следует с дневника. Только имею ли я право его читать? Наверное, да – иначе Софья Александровна не передала бы его мне.

Я раскрыла тетрадку. Первая страница была озаглавлена «Хозяйство». Под этой не слишком-то интригующей надписью красовалась другая – «*Зинаида Ивановна Грек*». Ну, что-то, по крайней мере, понятно. Зинаида Ивановна – соседка, помогавшая по хозяйству. Дальше шел адрес, причем почему-то в Чебоксарах. Адрес некой Валентины Петровны Панкратевой. Родственница, что ли? Да, точно, тут указано – дочь мужа Зинаиды Ивановны от брака с Ириной Васильевной Грек, в девичестве Ванеевой. И что?

Я перевернула страницу. Заголовок гласил – «*Дача и автомобиль*». Подзаголовок – «*Андрей Михайлович Песков*». Потом – еще два имени, с небольшими комментариями:

«Иван Петрович Фадеев, майор, колония.

Павел Сергеевич Нецветаев, капитан, 7-е отделение».

И – совсем странное:

«Чушка от Серого, пивной ларек, Вознесенский, 14».

Бред какой-то, честное слово! Вернее, то, что Андрей занимался дачей и возил Софью Александровну на автомобиле, чистая правда, однако зачем здесь какие-то серые чушки – загадка природы. А еще пивные ларьки! Нет, посмотрю, что дальше, тогда, возможно, ситуация прояснится.

Она не прояснилась. Скорее наоборот. На следующем листе я прочла: *«Материальные проблемы. Фирма “Сириус”»*. И пустой лист! После шло самое загадочное. Как вам понравятся такие заглавия: «N1, N2, N3»? И так далее – до N9. Под каждым заглавием – комментарий. Например, к N1:

«Анатолий Анатольевич Соболев.

Ирина Витальевна Соболева.

Валечка с мясной базы.

Трус. Не пережимать».

Не стану утомлять вас остальными записями, но они были примерно в таком же роде. Если это – дневник, значит, я – шамаханская царица. А раз не дневник, то что же? И, самое главное, зачем оно передано мне?

Вздыхнув, я принялась за третью часть поразительного наследства – справки. Ужасно не хотелось, потому что бюрократию, признаться, ненавижу, однако выхода не было. Я с отвращением вытащила первый документ. Судя по всему, это была ксерокопия накладной на получение мороженого мяса. Потрясающе, а? Какое Софье Александровне, а тем более мне, дело до того, что фирма «Кроун» продала пятьдесят тонн свинины по такой-то там цене? Причем подобных накладных оказалась целая пачка! Всюду в роли покупателя или продавца выступал знакомый мне «Сириус», однако это ничего не проясняло. Он, подлец, торговал не только мясом, а вообще всякой всячиной, и многие его торговые сделки нашли отражение в странном досье моей загадочной знакомой. Еще я смогла изучить бумаги, посвященные уплате «Сириусом» налогов, но там уж совсем ничего не поняла. Возможно, он был кристально честен, а возможно, уклонялся, по обычаю подобных организаций – я не налоговый инспектор, чтобы судить.

До поздней ночи разбирала я документы, и в голове моей воцарился сущий хаос. Светлым пятном промелькнуло хоть что-то знакомое, вернее, связанное со знакомым человеком. Я имела счастье узнать, когда именно Зинаида Ивановна Васильева стала Зинаидой Ивановной Грек, сочетавшись законным браком, а также, когда ее супруг закончил свой земной путь, переселившись в лучший мир. Зачем, зачем Софье Александровне копии этих дурацких свидетельств? Вряд ли она в тяжелую минуту перечитывала их во утешение. Значит, в них есть какой-то смысл, однако от меня он ускользал.

Глава 10

Я легла спать, и сон мой был беспокоен. Мне снилась Софья Александровна. «Это так легко – манипулировать людьми, – настойчиво повторяла она. – Надо только к ним присмотреться. Надо смотреть на людей, а не на вещи. Человеку редко приходит в голову, что кто-то захочет хоть немного о нем подумать. В сущности, мы все очень простодушны!»

Я проснулась от сильного сердцебиения. Странный сон! Когда снятся мертвые – это, наверное, плохо? Впрочем, Софья Александровна предстала передо мной, как живая, и не проходило чувство, что я и впрямь только что с нею поговорила. Вернее, она дала мне совет. Надо смотреть на людей, а не на вещи. Легко сказать! Где я возьму этих людей? N1–N9 – как я должна такое понимать? Единственная зацепка – Зинаида Ивановна. Ладно, я согласна о ней подумать, хоть и без особого желания. Она мне несимпатична.

Итак, Зинаида Ивановна. Ее любимое занятие – критиковать. Все, кроме нее, делают все не так. Их бы свести с Сергеем Бурковым – и конец света настанет гораздо раньше намеченного астрологами срока. При жизни Софьи Александровны соседка перед ней лебезила и помогала по хозяйству, а после смерти даже для порядка не сделала вид, что огорчена, а злорадно заметила: нечего гулять по вечерам. Была убеждена, что я общаюсь с Софьей Александровной в надежде получить наследство... значит, и сама помогала ей ради наследства? Вряд ли. Тогда

она бы сейчас рвала и метала от гнева. Нет, на наследство она не рассчитывала и платы за свои труды не получала. Значит... значит... светлая мысль почти решила посетить мои усталые мозги, но в последний момент предпочла улететь в заоблачную высь. Я так возмутилась этим, что снова заснула и спала до полудня.

Днем я упорно продолжала размышлять, и от Зинаиды Ивановны каждый раз так или иначе переходила к Буркову. Прямо наваждение! При чем тут Бурков? При том, что они похожи и что он тоже ждал наследства. Нет, глупости. Она-то наследства не ждала, это я уже решила! Он да, он ждал. И получил теперь все, поскольку его жена – прямой потомок. И вещи получил, и книги, и квартиру в центре. Будут теперь с Зинаидой Ивановной соседи. А то ей даже поругаться не с кем – муж-то умер. А дочь мужа от первого брака живет в Чебоксарах – так записано в тетрадке. В Чебоксарах. Интересно, отец ее тоже из Чебоксар и въехал в квартиру к Зинаиде Ивановне или, наоборот, она к нему? Она не похожа на человека, способного кого-либо к себе прописать. Она из тех, кто сам пропишется к кому угодно.

Я вдруг решила и отправилась к дому Софьи Александровны, прямо на черный двор. Мальчишка, обнаруживший тело – Сашка, кажется? – с упоением бродил вокруг знаменитой помойки, словно ее и не покидал.

– Привет, – поздоровалась я. – Слушай, мне нужна твоя помощь. Одна ваша соседка утверждает, что она тем самым вечером кое-что видела. Но я не знаю, можно ли ей верить. Ты наверняка хорошо ее знаешь.

– Что видела?

– Это Зинаида Ивановна Грек, – игнорируя вопрос, продолжила я. – Она как?

– Тьфу! – с чувством сплюнул Сашка. – Злющая, стерва! Мы этой бабке любим в дверь звонить. Позвоним и убежим. Чтоб знала!

– Что знала?

– Как ябедать. Вечно к матери ходит и нудит, нудит. Да еще половину наврет. «Я, – говорит, – сегодня видела вашего сына рядом с секс-шопом на Невском проспекте. Вы что, отпускаете его одного в такие места?» А мы с пацанами в войну играли, тут, рядом, а на Невский и секс-шоп чихать хотели. Так я матери и сказал. И мать мне поверила. Она говорит, эта бабка всегда заметит плохое, где есть оно и где нет.

– А ты не помнишь, она давно тут живет? Можешь узнать это у мамы?

– Могу. А что она видела?

– Какого-то парня в спортивном костюме, – взяла грех на душу я. – Спроси у мамы сейчас, а? С подробностями.

Я не давала бедняге опомниться, опасаясь, как бы сметливый ребенок не сообразил: мой интерес ко времени переезда Зинаиды Ивановны никак не оправдывался бы даже тем, что она видела целый полк в спортивных костюмах, марширующий у помойных бачков. Слава богу, Сашка оказался не склонен к логическому мышлению и бодро помчался к парадной, а через десять минут снова был во дворе.

– Она живет тут уже сто лет, но меньше, чем мои, – радостно доложил он. – Я еще не родился, а она уже здесь жила. Приехала вместе с мужем. Вернее, муж жил тут раньше, но у него была однокомнатная квартира, а когда на ней женился, поменялся на двухкомнатную. Только он уже умер. А где она жила до этого, мама не знает. А почему это важно?

Какой хороший мальчик! Склонность к логическому мышлению он приберет напоследок.

– Я не уверена, что важно, – лицо Сашки выразило разочарование, и я поспешно добавила: – Но не исключаю. Если узнаю что-нибудь точно, обязательно тебе скажу. Ты мне здорово помог.

– А вы из органов, переодевшись, или этот... частный сыщик?

– Военная тайна, – достойно отпарировала я и умчалась, чтобы не расхохотаться. Частный сыщик! Надо же такое придумать!

Глава 11

Дома я выудила из рокового пакета свидетельство о браке. О, я не ошиблась – брак заключен значительно позже, чем Греки стали соседями Софьи Александровны, хотя они сразу назвали мужем и женой. Ну и что? Пожили не расписанные, потом решили расписаться. Конечно, для старшего поколения это не характерно, однако никакого криминала я тут не вижу. Тем более детей у них нет. Могли бы и вовсе не регистрироваться. Откровенно говоря, даже странно после семнадцати лет совместной жизни вдруг взять да побежать в загс. Особенно если учесть, что супругу оставались считанные месяцы. Кстати, вот свидетельство о его смерти. Наверное, понял, что болен, и захотел, чтобы все было законно? Чтобы не возникло всяких дурацких проблем с наследством, квартирой... Интересно, она была приватизирована или нет? И кто в ней был прописан?

«Горячо!» – сказал внутренний голос. Квартира... Люба – прямой потомок Софьи Александровны, и для меня, например, несомненно, что квартиру должна унаследовать именно она. А у мужа Зинаиды Ивановны тоже есть прямой потомок – дочь от первого брака. Я раскрыла тетрадку на нужной странице. Так, Валентина Петровна Панкрашова из Чебоксар. Даже адрес указан. Однако жена вроде бы более близкий родственник, чем дочь, поэтому все в порядке – дочь остается ни с чем. Или не совсем в порядке? Я вдруг вспомнила свою коллегу, вышедшую замуж за разведенного. Первым ее действием был обмен квартиры. Она объяснила, что имущество, приобретенное после брака, считается общим достоянием супругов, поэтому в случае смерти мужа его дети от первой жены фактически не будут иметь на него прав. А вот если бы он умер на старой квартире, возникли бы огромные трудности. Я не очень внимательно слушала, меня больше заинтересовали не юридические тонкости, а предусмотрительность коллеги, деловито обдумывающей смерть мужчины, завоевание которого досталось ей весьма дорогой ценой. Однако общую идею помню. Важно, состоялся переезд после регистрации брака или до. У Зинаиды Ивановны, например, он состоялся до. Но, кроме Софьи Александровны, об этом никто не знал.

Я замерла. Разумеется, это были лишь предположения. Только бывает, предположения настолько ставят все на свои места, что веришь им моментально. Пусть Зинаида Ивановна не слишком компетентна в законах – в них сейчас сам черт ногу сломит, – однако если даже я кое о чем наслышана, она тем более. Она сумела уговорить мужа зарегистрироваться и потому автоматически наследует квартиру целиком. Но только в случае, если не окажется других претендентов. А они есть – это Валентина Петровна Панкрашова из Чебоксар. Ее отец, официально не будучи вторично женатым, приобрел собственность. Деньги на оную собственность он скопил в первом браке. Так кому она должна достаться? Видимо, будет поделена в какой-то пропорции? Да Зинаида Ивановна скорее удавится, чем станет с кем-нибудь делиться! Она наверняка рассуждала бы так: «Я мучилась с ним целых семнадцать лет, я готовила ему, убирала, а эта мымра жила себе в своих Чебоксарах. Какое же она имеет право на мое жилье!» В то же время для человека ее типа несомненно: договориться ни с кем любовно нельзя. Стоит Панкрашовой проведать, что имеется хоть тень надежды, и она станет землю рыть, лишь бы оттяпать кусок пожирнее. Возможно, на самом деле Валентина Петровна не из таких, однако Зинаида Ивановна ни за что в подобное не поверит. Она предпочтет схитрить и сделать вид, что брак заключен давно. Тем более все в этом убеждены. Все, кроме Софьи Александровны. Вот почему Зинаида Ивановна заискивала перед ней! Вот причина ее помощи по дому! Как там выразилась в свое время Софья Александровна? «У нас с ней договорная основа». Боже мой! Ведь подобный договор... наверное, он называется – шантаж?

Я оцепенела. Слово «шантаж» было нереальным и отвратительным. Шантажом занимаются мерзавцы с ледяным голосом и гнусной улыбкой, украшающие собой детективные

романы, а не милые жизнелюбивые интеллигентные старушки! Софья Александровна была для меня воплощением старого петербуржца. Достоинство, ум, доброжелательность – всего этого в ней с избытком. Нет, воображение завело меня в тупик. Бред, бред, бред! Чем она могла шантажировать, например, Андрея?

Я раскрыла нужную страницу тетради.

«Андрей Михайлович Песков.

Иван Петрович Фадеев, майор, колония.

Павел Сергеевич Нецветаев, капитан, 7-е отделение.

Чушка от Серого, пивной ларек, Вознесенский, 14».

Андрей сидел в колонии, это я знаю. Там за ним, наверное, приглядывал майор Фадеев. А сейчас – капитан Нецветаев. Интересно, ко всем бывшим преступникам приставляют полицейского или лишь к особо отличившимся? Чушка – это наверняка кличка его... гм... есть на фоне какое-то слово, означающее сокамерника... короче, кличка коллеги. Интересно, догадываются ли коллеги об общении Андрея с майором и капитаном? И как бы они к этому отнеслись?

Я дрожащими руками вытаскивала фотографии. Андрей с каким-то приличным на вид мужчиной в кафе и в парке... Андрей опасливо выползает из отделения номер семь... Андрей выпивает с типичным представителем уголовного мира...

Андрей относился к Софье Александровне с ненавистью и страхом. Он работал на ее даче и возил нас на машине. Все вдруг встало на свои места. Если предположить, что он – я вдруг вспомнила подходящий глагол – он стучал в колонии, за что и был освобожден досрочно, и теперь продолжает стучать... об этом узнала Софья Александровна, и стоило ей сообщить Чушке от Серого, тусующемуся у пивного ларька... «У нас с Андреем бартер», – сказала мне она. Неужели я была слепа? Или я теперь сошла с ума? Эротические кадры... фирма «Сириус», в качестве благотворительности поставляющая Софье Александровне антиквариат... записи о работниках фирмы, ее накладные, счета... что бы ни вопили мои возмущенные чувства, но подобных совпадений не бывает. Логика сильнее эмоций. При моей версии сходится все, вплоть до мельчайших деталей. Задним числом устраняются все несообразности, все мои недоумения. Даже странная привычка распечатывать фотографии, а исходники уничтожать, обрела смысл. С одной стороны, я лично убедилась: снимок на бумаге производит сильнейшее впечатление, с цифровым не сравнить. С другой – пока есть файл, тот может попасть еще в чьи-то руки, поэтому мало смысла платить шантажисту. «Ценность имеет лишь неповторимое» – речь о ценности или о цене?

И тем не менее – не верю! Я привязалась к Софье Александровне – да что там, полюбила ее. И душа моя протестовала против свидетельств ее непорядочности.

Подумав, я решила навестить Андрея. Быть может, посмотрев на него в свете новых предположений, я решу, соответствуют они действительности или нет. И вообще, должна же я что-то предпринимать, а других мыслей не было.

Глава 12

Добираться до дачи на электричке мне ужасно не понравилось. Все-таки к хорошему быстро привыкаешь. Возили нас на автомобиле с ветерком, и так было мило. А теперь парься в переполненном вагоне. Мне-то еще ничего, я молодая, а каково было бы старушке за восемьдесят лет?

Андрей сидел под деревом на своем участке и соображал на троих. Одного из его собутельников я совсем недавно видела на фотографии... к сожалению, не на той, где кафе – мужчина с той мне понравился, – а на другой, с выпивкой. Похоже, выпивка являлась основным его занятием.

– Цыпа пришла! – радостно приветствовал меня гостеприимный хозяин и гордо пояснил: – Это моя знакомая. Нравится, Чушка? Смотри – идет, как говорит, говорит, как пишет, пишет, как рисует, а рисует – ни к черту!

И он весело загоготал, а я уставилась на него, потрясенная. Никогда он не позволял себе ничего подобного. Молчал да пялился. А теперь, видите ли, обнаглел. Догадывался бы он, *что* я могу сообщить вот этому мерзкому Чушке, мигом стал бы смиреннее котенка. Впрочем, много ли с пьяного возьмешь? И я лишь сухо осведомилась:

– Ты знаешь, что Софья Александровна умерла?

– Гы-гы-гы! Еще бы! Прикончили старушеницу! Поделом – не суй свой нос, куда не надо. Я бы вообще всех старушек собрал в большое стадо – и бомбочкой. Атомной!

– И погиб бы от повышенной радиации. Кстати, ты в тот вечер был здесь?

Это черт меня дернул за язык, честное слово. Подобные вопросы в лоб не задают. По-видимому, просто я подсознательно переняла манеру разговора Софьи Александровны, а она обычно беседовала с Андреем, как строгая учительница с нерадивым учеником.

Мой собеседник вздрогнул и вместо того, чтобы резонно возразить – «не твое собачье дело», чего я втайне опасалась, начал что-то мямлить – «да, он был здесь, но его вряд ли кто видел, но он был здесь, гулял, погода была такая хорошая...». Причем смотрел не на меня, а на собутыльников, которые, впрочем, его не слушали, а увлеченно напевали какой-то шлягер. Решив отвлечь внимание от своего промаха, я сменила тему:

– В сарайчике сохнет мой купальник. Я из-за него и приехала. Где у тебя ключ?

Андрей облегченно вздохнул и рысью побежал к себе. Легенду о купальнике я продумала заранее. Впрочем, не совсем легенду – он и впрямь висел в сарае, а у Андрея имелся ключ. От дачи Софья Александровна ключа ему не давала, а от сарая выдала, поскольку там хранился садовый инвентарь. Я забрала свою собственность и поспешно ретировалась, так как поющая парочка неожиданно прозрела и принялась активно приглашать меня выпить водки, параллельно делая различные высказывания относительно моей фигуры и образа жизни.

Начал накрапывать дождь, однако возвращаться к уголовникам не хотелось, я предпочла обогнуть участок Софьи Александровны с противоположной стороны и потихоньку спрятаться под навес.

– Надя, вы что мокнете? Заходите! – неожиданно услышала я. Хозяйка соседней дачи стояла на крыльце и махала мне рукой. Я знала ее фактически лишь по имени – Инга Витальевна, но она казалась симпатичной, и я с благодарностью согласилась зайти.

– Давайте чайку? Все равно дождь скоро не кончится.

– Вы думаете? – забеспокоилась я.

– Да. У нас творится что-то странное с погодой: с утра солнышко, днем собираются тучи, а что ни вечер – дождь. До самой ночи.

Смутная мысль мелькнула в голове, и я уточнила:

– И давно так? В городе вроде дождей нет.

– Больше недели. Дней десять, видимо. Мне и муж говорит, что в городе сухо, а мы как заколдованные. Впрочем, для огорода неплохо.

– И ни одного хорошего вечера за последние десять дней?

Инга Витальевна улыбнулась:

– Ну, может, не десять, а девять, но не меньше. – Впрочем, улыбка ее тут же померкла: – Скажите, Надя, это правда... про Софью Александровну?

– Да. Ее убили.

– А я надеялась, слухи. Такая милая была старушка – просто чудо. Я все на нее смотрела и думала, что именно такой должна быть коренная петербурженка. И как потерял город оттого, что их осталось мало. Надо бы беречь, как золотой фонд, а мы...

Я опустила голову, стараясь не заплакать.

- Может, останетесь на ночь, Наденька? Дождь припустил.
- Не могу. У меня Амишка негуляный.
- Да, понимаю. Значит, он теперь у вас? Сильно грустит?
- Сперва ничего, а теперь сильно. Понял правду, скорее всего. Но я надеюсь на лучшее.
- Хотелось бы. Вы Софье Александровне внучка, да?
- Нет. Внучка, я думаю, скоро сюда приедет, а я... я ей подруга, наверное.

Инга Витальевна кивнула:

- Случается. Я всегда с радостью смотрела на ваши взаимоотношения. Всех троих.
- С Андреем? – поразила я.

– Нет, что вы! С Амишкой. Вы все до того славно дружили. Я всегда определяю, добрый ли человек, по его отношению к животным. А часто просто бывает, животные становятся похожи на своих хозяев. Или хозяева на животных? Выражение лица совершенно одинаковое. Вот у Софьи Александровны с Амишкой у обоих на лице отражалось ожидание чего-то светлого. И у вас обычно тоже. А Андрей... честно говоря, он кажется неподходящей для вас компанией. И он сообщил мне о... о несчастье почти с радостью. Я почему и не поверила – думала, может, у него шутки такие дурацкие. К Софье Александровне немыслимо относиться плохо. В ней было столько достоинства, благородства, ума. Наше поколение другое.

- Простите, – прервала я, не в силах этого слушать. – Мне надо ехать.

Лучше вымокнуть, чем реветь при посторонних, правда?

– Возьмите это. Этот плащ уже сто лет никто не носит, так что не вернете – не жалко. А если хотите, верните при случае. В общем, как вам удобнее.

- Спасибо.

И я пошла в дождь, но плакала ли, точно не знала даже я сама. Струи текли по лицу, а откуда они брались – не все ли равно?

Глава 13

В центре было сухо. Как сухо было и в тот страшный вечер – вечер убийства. Но Андрей уверял, что гулял около дачи по хорошей погоде. Значит, он врал. Он был в городе. Еще одно не могло не броситься мне в глаза – он часто щеголял в спортивном костюме, даже лейбл с пумой был. Именно от подобного костюма убийцы Амишка оторвал карман. Так какие выводы я должна сделать?

Выводы казались однозначными, однако я им не верила. Надо сосредоточиться и разложить все по полочкам. Поэтому, выгуляв Амишку, я легла на диван и принялась думать.

Прежде всего, принимать ли за истину мою бредовую идею о том, что Софья Александровна... страшно, но я произнесу, – шантажистка? Наверное, да. Она собирала компрометирующие сведения о различных лицах – это несомненно. А потом, используя полученные сведения, принуждала окружающих делать то, что ей хотелось. Только я уверена, это был не обычный шантаж. Софья Александровна не требовала денег, не угрожала разоблачением. Она – я вспомнила ее же собственное выражение – манипулировала людьми. Тоже звучит мерзко, да? Однако все мы занимаемся этим в той или иной форме. Я, например, обычно просчитываю, какой будет реакция на мои поступки, и строю свое поведение соответственно. Разумеется, просчитываю – сильно сказано, чаще действуешь интуитивно, но смысл от этого не меняется. Если я говорю сослуживице, что у нее после отпуска чудесный цвет лица, не считая нужным добавить, что она здорово растолстела, уже подразумевается, что я ожидаю нужного мне эффекта, а именно улучшения ее настроения. Разве это не манипуляция?

Софья же Александровна пошла дальше. Конечно, слишком далеко – но по тому же пути. Скорее всего, она лишь намекала на свои особенные знания, причем делала это в форме, наиболее подходящей именно для данного человека. А потом интересовалась, не будет ли он так

мил, что поможет ей в том-то и том-то – причем выбирала то, что вот этому конкретному лицу покажется наименее обременительным и получится всего лучше. Меня она звала гулять, Зинаиду Ивановну посылала за справками в собес – мы обе были на своем месте. Нет, я не утверждаю, что подобное поведение безупречно. Возможно, останься Софья Александровна жива, она бы упала в моих глазах. Только она мертва, а мерзавец, нанесший роковой удар, – жив, и кому принадлежало мое сочувствие, догадаться нетрудно.

Итак, убийца – один из тех, о ком она слишком много знала. По крайней мере, она была в этом убеждена и потому велела мне забрать сверток. Как трудно поверить, что Софья Александровна, обладавшая безукоризненным тактом, совершила ошибку и переступила опасную грань! Она была не склонна давить слишком сильно, явно предпочитая психологические методы. К тому же дань, налагаемая ею, должна была выбираться не тяжелой для данника. Однако кто-то оказался иным, чем она предполагала, и опрокинул ее расчеты. Кто же?

Похоже, кандидат номер один – Андрей. Мог ли он ее убить? Да запросто. Зачем? Не зачем, а почему – от испуга. Предположим, он и впрямь стукач и вдруг решил, что Софья Александровна собирается выдать его этому... Чушке от Серого. Нравы в уголовной среде, говорят, суровые, прикончат – дорого не возьмут. И вот Андрей тайком покидает пригород, подкарауливает свою жертву на черном дворе, бьет ее по голове и в ужасе убегает, оставив в Амишкиных зубах карман от штанов. Правда, странно, имея уголовное прошлое, не суметь ударить наверняка, однако я не интересовалась его специализацией. Вдруг он не хулиган, а, например, вор или вообще фальшивомонетчик. Или на шухере стоял. Тогда у него нет опыта нападений. Пока все правдоподобно. А вот дальше начинаются нелады.

Как Андрей должен поступить потом? Вернуться на дачу и, дрожа, ждать результата. Жива – мертва, узнала его или не узнала? И старательно притворяться, что он не в курсе событий, копается себе на огороде, ни о чем не ведая. Но он ведет себя абсолютно иначе: бодро извещает соседку о смерти ненавистной старухи и тут же зовет к себе дружков, которых раньше на участок водить не решался. И со мной вдруг стал фамильярничать. В общем, словно школьник, когда заболела учительница и уроки неожиданно отменили. Однако если бы этот школьник был лично повинен в болезни учительницы, он поостерегся бы выражать свою радость столь бурно. Конечно, умом Андрей не блещет, однако два и два сложить в состоянии, и если он убил Софью Александровну или хотя бы помышлял об ее убийстве, он не мог не понять, что из всех ее знакомых именно он вызовет наибольшие подозрения – хотя бы потому, что сидел. Пусть даже он ударил непреднамеренно, в порыве страха, все равно бы теперь нервничал. У него такой характер.

Главной его целью сейчас было бы не обратить на себя внимание полиции. Я могла рассказать им о его знакомстве с Софьей Александровной – и, таким образом, я становлюсь опасней гремучей змеи. Ему бы при виде меня скрыться – а он заигрывает. Правда, был момент, в который он перепугался, – это когда я спросила, где он находился в роковой вечер. Только испугался он не меня, а своих дружков. От них, а не от меня, он пытался утаить поездку в город. Наврал – и снова впал в эйфорию, без тени сомнения в том, что тучи над его головой рассеялись раз и навсегда. Возможно, какой-то другой убийца так бы себя и вел, но Андрей – нет. Это на него не похоже. Разумеется, полностью отметать его кандидатуру было бы глупо, однако концы с концами сходитья явно не хотят.

Имеется, впрочем, другая кандидатура – Зинаида Ивановна. Я лично боюсь подобных женщин. Когда они входят в автобус, я обычно бегу к соседней двери, поскольку убеждена, что они сметут по дороге любого, при этом свято веря в собственную правоту. Единственное, что их останавливает – нежелание попасть в тюрьму, а то бы их путь был усеян трупами, ибо они полагают, что все, кроме них, всегда во всем неправы и, более того, перед ними виноваты. Способна ли она на убийство? Разумеется – особенно при условии, что кто-то мешает ее жизненным планам. Если предположить, что Софья Александровна и впрямь знала, что Зина-

ида Ивановна – не единственная наследница и обязана поделиться с дочерью мужа... например, разменять квартиру... и если Зинаида Ивановна опасалась, что данный факт выплывет наружу... Только с чего бы ему выплыть? Столько лет все шло тихо-гладко, и вдруг Софья Александровна начнет болтать – нет, не просто болтать, а писать в Чебоксары? Маловероятно.

Ладно, пусть все же это так. Только не верю, что пенсионерка, хоть и весьма бодрая, схватила тяжелый предмет и ударила врага по голове. Вернее, в необдуманном порыве такое возможно, а вот планировать подобный способ убийства она бы не стала. Она бы... гм... она ведь помогала Софье Александровне с уборкой? Вот и устроила бы тихую каверзу – поменяла лекарство в аптечке на что-нибудь опасное, натерла бы пол так, чтобы на нем легко было поскользнуться, протянула не на месте провод. Да мало ли что – простор для фантазии огромный! Я слышала, что от бытовых травм погибает больше народу, чем в автокатастрофах. Чем не способ без риска устранить ненавистную особу, особенно старенькую и не очень здоровую? Ей мало надо.

Да, Зинаида Ивановна действовала бы именно так, и ее преступление было бы продумано заранее. Это тебе не Андрей! К тому же есть еще карман от спортивных штанов. Хоть режьте, не разорится она на эти штаны! Они жутко дорогие. Разве что подарит кто. Только надо быть ненормальным, чтобы делать пенсионерке подобный подарок. Пожалуй, Зинаиду Ивановну следует тоже отодвинуть в рядах подозреваемых во второй эшелон. Тем более есть еще терра инкогнита под названием «Сириус», а в нем загадочные номера – «N1–N9».

Голова идет кругом! Об известных мне людях я еще могу что-то сказать при помощи рассуждений. От общения с Софьей Александровной я здорово в этом наострилась. У нас с ней была такая игра – мы воображали, как бы поступил тот или иной человек в той или иной ситуации, причем в качестве объектов рассматривали как знакомых, так и первых встречных, а то и вовсе литературных героев или, например, актеров. Мы меняли версии до тех пор, пока не получалось нечто, устраивающее нас обеих. Не скрою, увлекала нас игра необычайно! Вот теперь пригодилась. Впрочем, что значит – пригодилась? Разве я приблизилась к разгадке? Я даже не убеждена, что мои исходные предпосылки о манипулировании верны. Ну, не отправлюсь же я к капитану Нецветаеву с вопросом: «Есть ли у вас стукач по имени Андрей Песков?» Ответит он мне, жди! Или послать письмо в Чебоксары: «Уважаемая Валентина Петровна! Известно ли вам, что ваша мачеха зарегистрировалась с вашим отцом уже после переезда на новую квартиру? И собираетесь ли вы предпринимать в связи с этим какие-то шаги?» Какое я имею право вмешиваться в чужие дела? Вот если б я была полицией, тогда да.

Я взбодрилась. А ведь правда, у меня вполне достаточно материала, чтобы обратиться с ним в полицию. Для них пара пустяков проверить, подтверждаются ли мои предположения, и если окажется, что да, им будет нетрудно пошуровать в «Сириусе» и найти убийцу. Я отдам им сверток, для компетентного человека там бездна материала. И им хорошо – повысятся показатели раскрываемости преступлений, и мне – выполню последнюю волю Софьи Александровны и успокоюсь. Решено!

Глава 14

Не откладывая дела в долгий ящик, на следующее же утро отправилась в отделение полиции неподалеку от дома Софьи Александровны. Все оказалось не так легко, как я надеялась. Больше двух часов я пробегала от кабинета к кабинету, пытаюсь выяснить, кто именно занимается делом о ее смерти и где этого человека найти. У каждого кабинета стояла нервная очередь, а внутри сидела злая тетка и рычала на входящих. Наконец, я сумела выведать, что мне нужен Григорий Константинович Григоридзе, который, скорее всего, заглянет после обеда. Или *не* заглянет.

Слава богу, он заглянул, а опознать его мне удалось без труда, поскольку, образно выражаясь, его фамилия явственно отражалась на лице. Я поздоровалась и сообщила, что хотела бы с ним поговорить.

– Идем, куколка, – улыбнулся он и поманил меня пальцем.

Не будь он моей последней надеждой, я бы высказала все, что думаю по поводу подобного обращения, теперь же приходилось терпеть. Мы прошли за какую-то загородку.

– Ну, так в чем проблемы, принцесса?

– Я по поводу убийства Софьи Александровны Знаменской.

– А, хулиганское нападение? Ты ее внучка, что ли?

– Нет, знакомая.

Григорий Константинович вдруг оживился:

– Не та ли, которой старушка решила оставить свое добро? А?

– Та, но это неважно. Я все равно от него отказалась.

– Глупость сделала. Я тебе порекомендую хорошего адвоката. Деньги у тебя есть?

– Нет.

– Он возьмет процент с твоей части наследства. Процентом пятьдесят, я думаю. Ну, мы с ним договоримся.

– Простите, – объяснила я, – но я уже отказалась, и назад не повернешь.

Григоридзе раздраженно постучал себя по голове и фыркнул:

– Волос длинный, ум короткий. И чего тогда пришла, спрашивается?

– Дело в том, что Софья Александровна была уверена, что ее ударили не случайно. Она оставила мне бумаги, где рассказывается о людях, имевших основания ее бояться. Компрометирующие их бумаги. За это ее и могли убить.

– У старушки крыша перед смертью поехала. Сколько ей было лет? Девяносто? Сто?

– Она была вполне в своем уме, – холодно заметила я. – Поумнее многих.

– Ну, покажи свои бумаги, раз притащила.

Я неохотно протянула сверток. Бесил меня этот тип – мочи нет. И за что мне так не везет?

Эротические фотографии, как я и предполагала, произвели фурор. Григоридзе выл и стонал. Остальное же явно не показалось ему заслуживающим внимания.

– Я расшифровала некоторые записи и могу пояснить, что они значат, – прервала неумеренные восторги я.

Мой визави с трудом оторвался от снимков.

– Слушай, куколка, не морочь мне голову. У старушки была безобидная мания – подглядывать за соседями в щелку. С одинокими бабами это случается сплошь и рядом, но за это их не убивают. На мне знаешь сколько настоящих дел висит? Вон, убили бизнесмена тридцати двух лет. Партнеры по бизнесу землю роют – подай им убийцу, и все тут! А твоя старушка от плевка рассыплется. Шандарахнул ее какой-то прохожий в шутку по голове, она и померла. Это вообще не убийство, а несчастный случай.

– Интересно, как бы вам понравилось, если бы *вас* шандарахнули в шутку по голове? – не выдержала я. – Тоже был бы несчастный случай?

– А ты не хами власти, детка, не хами. Если уж на то пошло, мотив-то был только у тебя.

– У меня?

– А кому все завещано? Денежки там немалые. Квартира в центре, мебель музейная. И за меньшее убивают.

– Но я ничего не взяла! И вообще не знала, что мне что-то оставят!

– Это ты кому другому пой. Не знала? За так, что ли, старушкам помогаешь? Тимуровка? Времена теперь, птичка, не те. Так что шла бы ты, тимуровка, и не мешала мне работать. А не уйдешь – пожалеешь.

И я ушла, причем итогом неудачного визита стало лишь то, что второй эшелон подозреваемых я пополнила Сергеем Бурковым. Действительно, квартира в центре, мебель музейная – за меньшее убивают. А во второй эшелон я его отправила потому, что, по моим представлениям, он слишком безынициативен для убийцы. Плывет по течению, и ему не приходит в голову, что изменить обстоятельства жизни иной раз можно собственными руками. Так его охарактеризовала Софья Александровна, и я была с нею солидарна. Честно говоря, мне очень захотелось включить в список убийц также отвратительного Григоридзе, однако для него не придумывалось мотива. Конечно, он хотел нажиться, поделив с адвокатом процент с моего наследства, однако предполагать такой вариант заранее и идти ради него на преступление было бы безумием.

Сев на лавочку в сквере, я предалась горестным размышлениям. Мои попытки расследования зашли в тупик. Я добросовестно изучила в доставшемся мне странном наследстве весь материал, который относится к знакомым людям, и не обнаружила того, что показалось бы правдоподобным объяснением преступления. Я попыталась спихнуть дело компетентным органам – тоже безрезультатно.

Впрочем, о последнем Софья Александровна предупреждала. Она полагала, что полиция не захочет заниматься ее смертью, и поручила это мне, а я ее поручение завалила. Она была слишком высокого обо мне мнения. Наверное, сама она на основании имеющихся данных сумела бы вычислить убийцу, а я – нет. Я сижу на лавочке и тупо смотрю на дверь, украшенную гордой надписью «ООО “Сириус”». Это мерзкое ООО располагается в том же доме, где жила Софья Александровна, вот я и забрела сюда по инерции. Ишь, вывеску какую роскошную соорудили! Денег им некуда девать! И дверь вся из себя навороченная. Только бумажка какая-то картину портит. Обычная бумажка с напечатанным текстом. Зачем она тут прилеплена?

Я подошла поближе и прочла: *«Срочно требуется программист на временную работу сроком до одного месяца. Знание С++, опыт работы с базами данных. Оплата по договоренности»*. Я пялилась на объявление, как баран на новые ворота, поскольку его вывесил непосредственно ангел-хранитель, ведающий моей судьбой. Дело в том, что речь в нем шла обо мне. Да-да! Это ведь я – квалифицированный программист, знающий С++ и имеющий опыт работы с базами данных. У меня как раз сейчас отпуск сроком до одного месяца. Я собиралась ехать к родителям, однако спокойно могу не ехать. Фантастика, чудо!

Только страшно, откровенно говоря. Судя по записям Софьи Александровны, передо мной не контора, а бандитский притон. Да и вообще, работать на хозяина – удовольствие не для меня. Я предпочитаю получать гроши на государственном предприятии, лишь бы не подстраиваться под чьи-то капризы. Только гордость следует теперь унять. Я обещала Софье Александровне сделать все, что в моих силах, чтобы найти убийцу, и я обязана выполнить обещание, как бы противно это ни было. Так что ни пуха тебе, Наденька, ни пера!

И я открыла заветную дверь.

Часть 2

Глава 1

Помещение ООО «Сириус» оказалось точно таким, каким ему положено быть – офисная мебель и сияющие евроремонтные стены. Кондиционеры тихо гудят, на окнах жалюзи и стеклопакеты, от диванов пахнет кожей. Правда, молоденькая девушка, сидящая за ближайшим столом, отличалась от привычного стандарта – губастой тощей блондинки ростом с пожарную каланчу. Она была невысокая и полненькая, только не рыхлой болезненной полнотой, а такой симпатичной и упругой. И щечки у нее были толстенькие и упругие, и ножки, и вообще она напоминала веселый резиновый мячик. Одета она была вроде бы самым неподходящим образом: на ней красовались жутко короткая обтягивающая черная юбка и обтягивающая же светлая кофточка, а слишком упитанным женщинам, по моему убеждению, лучше носить свободное. Однако она в своем тесном костюмчике была совершенно неотразима, и ничего тут не попишешь!

– Здравствуйте! Я программист, по объявлению, – объяснила я.

– Вы? – радостно удивилась девушка. – А до вас все приходили мужчины. Посидите минутку, я сейчас.

И она, постукивая каблучками надетых прямо на голую ногу черных «лодочек» (очередная нелепость, которая ей шла), упорхнула в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась в сопровождении низкорослого бородатого типа лет тридцати пяти.

– Ох, как приятно! – приветствовал меня тип. – Такая чудная девушка хочет у нас работать! Слушай, а ты и вправду программист?

– Разумеется, а то зачем бы я пришла? – засмеялась в ответ я.

Мой собеседник явно относился к холерикам. Говорил он быстро-быстро и ни секунды не мог усидеть на месте, а глаза его так и шастали по сторонам. Руки, впрочем, тоже – в основном в сторону симпатичной секретарши. Я на всякий случай незаметно от него отодвигалась, тем более резкий запах пота не поощрял к близкому контакту.

– Дело в том, что наш второй программист ушел в отпуск. Мы думали, Витек справится один, он у нас за главного, а выяснилось, сейчас столько всякой мороки... В общем, нужен нам еще человек. Временно. Только Витька сейчас на месте нет. Я – Лёня, коммерческий директор. Да я, в общем, сам могу проверить, годишься ты нам или нет. Я всем этот вопрос задавал. Сколько в килобайте байтов?

– Тысяча двадцать четыре, – автоматически выпалила я, не успев удивиться. – А зачем тебе это?

– Во! – показал большой палец Лёня. – Мы тебя берем. Я думал, кроме Витьки, этого никто не знает. Все считают, что тысяча. Ты что заканчивала?

– Университет, математический факультет, – я решила не уточнять, что число байтов в килобайте известно любому программисту так же хорошо, как произведение двух на два. Если в этой фирме столь странные критерии отбора сотрудников, тем лучше для меня. Впрочем, скоро появится Витек и расскажет, что им действительно требуется.

– Оформлять мы тебя не будем, – решил коммерческий директор. – Стоит ли мучиться ради пары недель? Заплатим наличкой. Ты как?

– Пожалуйста!

Мне, честно говоря, как-то в голову не пришла мысль о зарплате. Главное – проникнуть в загадочный «Сириус», а остальное... Впрочем, когда Лёня назвал предполагаемую сумму, я слегка оторопела. У себя я получаю втрое меньше. Интересно, чего они хотят за такие деньги?

Слава богу, я программист, а не бухгалтер, иначе наверняка стала бы у них человеком для отсидки. Впрочем, кто его знает? Сейчас большой разброс доходов, и то, что мне кажется золотым дождем, для кого-то обыденность.

Итак, двое претендентов на роль таинственных N у меня перед глазами: очаровательная секретарша Лерочка и коммерческий директор Лёня. Вскоре появился третий – программист Витя. Он мне, в общем-то, понравился. Высокий, стройный брюнет с некрасивыми, но не отталкивающими чертами лица, он выглядел обычным человеком – примерно как мои коллеги по основной работе, а вовсе не бандитом из подозрительного притона. И программистский уровень был у него примерно тот же, то есть весьма приличный. Мы живо нашли общий язык, обсудили мои задачи, и я отправилась домой с наказом вернуться завтра часиков в десять.

Дома я внимательно просмотрела сделанные Софьей Александровной фотографии в поисках знакомых лиц. Ага, вот оно! Это конвертик с Лерочкой. Лерочка нежно склонила голову на плечо симпатичному парнишке. Она же, абсолютно голая, в компании двух полураздетых мужиков – коммерческого директора Лёни и типа с усами, знакомого мне по другим снимкам. Честное слово, не ООО, а публичный дом! Похоже, я догадываюсь, чего именно потребуют за мою бешеную зарплату. Нет, всему есть предел! На подобное, уверена, Софья Александровна рассчитывать не могла. До чего неприятно видеть столь очаровательную девочку с развратными старыми бугаями! Впрочем, сами по себе они, конечно, не старые – лет по сорок, только ей годятся в отцы. Хотя мое ли это дело? Мое – решить, подходят ли фотографии для шантажа. Чем, например, они опасны для Лерочки? Да ничем. Если бы она пыталась убедить каждого, что он у нее – единственный, тогда другое дело. Но она развлекается с двумя одновременно, поэтому и разоблачать нечего. Остался вопрос, знает ли молодой мальчик о бугаях. И кто он?

Ладно, оставлю выяснение на потом. Лучше подумаю о Лёне и усаче. Если у них есть жены, особенно жены ревнивые... Только надо быть совсем слепой, чтобы не заметить, как у Лёни глаза и руки шарят по сторонам. А что касается усача, то его похабная ухмылка... да ведь я его видела! Именно он, когда я сидела на днях на лавочке у «Сириуса», пригласил меня к себе в машину. Бабник первостатейный, и это пропечатано крупными буквами у него на лбу, не говоря уж о конверте, ему посвященном, в моем наследстве. Там усач запечатлен с десятком разных дам. А ведь он небось работает в том же ООО! Ну и месяц мне предстоит!

Вздыхнув, я принялась за дальнейший разбор бумаг. Витя на фотографиях не фигурировал, и это радовало. Недаром я сразу распознала в нем нормального человека. Зато Лёня был запечатлен неоднократно, причем отнюдь не за любовной игрой. Он то беседовал с каким-то неизвестным мне типом, то что-то ему передавал. Я долго пялилась на эти снимки, потом в сердцах их отложила. Разумеется, в них должен быть тайный смысл, однако мне он недоступен. Если бы мне поручили сделать к ним подпись, я бы, не задумываясь, произнесла: «Коммерческий директор ООО “Сириус” с партнером по бизнесу». И много мне в том толку? Разве деловые переговоры – преступление?

Теперь перейдем к тетради. Интересно, почему остальные страницы озаглавлены у Софьи Александровны полными именами, а то, что относится к «Сириусу», – загадочными N? Впрочем, это легко объяснить. Предположим, она, сидя на лавочке под собственным окном, заметила в конторе что-то неладное и, не зная фамилии увиденного человека, назвала его N1. А потом уже стала специально следить и каждого нового встреченного сотрудника именовала следующим N. Не спрашивать же у того, кого ты застукал за темными делишками, личные данные! К сожалению, не люблю я разгадывать ребусы, а то бы мне предстояла масса приятных минут. Не люблю, но придется. Только, наверное, не сейчас. Сперва познакомлюсь с остальными сотрудниками, а пока... чем я хуже Софьи Александровны? Я взяла ручку и добросовестно записала:

«Лерочка, секретарша.»

Очень милая. Спит со всеми подряд.

Лёня, коммерческий директор.

Холерик. Спит с Лерочкой. Имеет деловые контакты с неизвестным типом.

Витя, главный программист.

Квалифицированный».

Пока достаточно. Что-нибудь новенькое добавлю, познакомившись с другими сотрудниками фирмы. Завтра.

Глава 2

Сотрудников, слава богу, оказалось немного. На следующее утро первым предстал передо мной тот самый поразительно красивый блондин, чья фотография ошеломила меня несколько дней назад. Тот, которого раздевала возбужденная девица. И, признаюсь, возбуждение ее перестало меня удивлять. В жизни Олег был еще красивее, чем на снимке. Вроде бы дальше некуда – а он еще красивей! И создаст же природа подобное чудо! Рост высокий, но не слишком, фигура мускулистая, однако не перекачанная. Античная, одним словом, фигура, как у молодого бога. Пальцы длинные, словно у пианиста. Черты лица правильные и в то же время нестандартные. Глаза, черт возьми, синие, ресницы длинные, брови вразлет! Губы – как там у Цветаевой? «Ваш нежный рот – сплошное целованье». Нос... что, скажите мне, привлекательного можно найти в носе? Можно. На один нос Олега я готова была бы любоваться часами. Останавливало единственное – остальные женщины тоже ведь не слепые. Наверняка надоели парню хуже горькой редьки. Так неужели еще и я стану его допекать? Нет, надо сдержаться и оставить его в покое.

Короче, красавца звали Олег, и он работал заместителем директора по связям. Судя по снимкам Софьи Александровны, связи он устанавливал весьма успешно, хотя имели ли они отношение к коммерции, сказать не берусь. По крайней мере, если в партнерской фирме не все были мужчинами, то успех Олеговым начинаниям был обеспечен.

Следующим в офисе появился Михаил Григорьевич, чья внешность по контрасту произвела на меня весьма невыгодное впечатление. Лет пятидесяти, тощий, почти лысый, он походил на язвенника и имел унылый обиженный вид. Его должность называлась «заместитель директора по снабжению». Вообще в загадочном «Сириусе» половина сотрудников являлись директорами да заместителями, с рядовыми работниками было хуже. Витя – главный программист, я – просто программист, Лерочка – секретарь. Кто еще? Разумеется, бухгалтер Светлана Петровна. Бухгалтер в наши времена – главный человек, это даже я знаю. Светлана Петровна была страшна, как смертный грех, из чего я сделала вывод, что она отличный специалист. Иначе ее не стали бы держать, правда? Несмотря на жару, она пришла в строгом темном костюме и белоснежной блузке. Дорогие колготки, дорогие туфли. На лице – боевая раскраска, только привлекательности она не добавляет. После сорока, да еще при землистой коже и иссиня-черных волосах, я бы не рискнула на кроваво-красные губы, густо подведенные глаза и вызывающие тени. Все это делало Светлану Петровну похожей на ведьму, однако ведьму выдержанную и умную.

Последним в служебной иерархии числился Юрик, курьер. Я его сразу узнала – именно к нему Лерочка нежно склоняла головку на одном из фото. У них вообще явно был роман. По крайней мере, они сразу уединились на диванчике и принялись шушукаться да хихикать.

И наконец, от последнего в иерархии пора перейти к первому – директору. Он появился позже всех, часа в три, оказавшись тем самым сексуальным усачом. Я сидела за компьютером и осваивала программное обеспечение, поэтому на шум в приемной сперва не обратила внимания. Офис состоял из четырех помещений – приемной, куда попадаешь сразу же и где размещается стол секретарши, компьютерного зала, расположенного по правую руку (там места для

меня и для Вити), и двух смежных комнат по левую руку – общей и директорского кабинета. Да, от общей комнаты еще отгорожено что-то вроде кухни.

Короче, я добросовестно вникала в Витины разработки, когда дверь в наш уединенный уголок распахнулась и на пороге появились двое – Лёня и усач.

– Вот какого программиста я нашел, – гордо отпартовал Лёня, указывая на меня. – Ну, как?

Глаза усача загорелись, и я вдруг поняла, что неправильно оделась. Должна признаться, этот вопрос ввечеру терзал меня довольно долго. Накануне на Лерочке я узрела некую униформу подвизающихся в подобных фирмах девиц – короткую юбку, обтягивающую кофточку, туфли на каблуках. Следовало ли и мне поддержать традицию, вырядившись так же? Что называется, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. К тому же я была неординарно заинтересована в том, чтобы меня не выгнали, поскольку имела тайную цель. Однако юбки подходящей длины у меня просто не было, и вообще, безопаснее выглядеть поскромнее.

В итоге я выбрала легкое платье, прикрывающее колени и даже с небольшим рукавом. Теперь под взглядом усача я почувствовала, что платье мое стало прозрачным. Мистика какая-то! Я ведь точно знаю, что оно не просвечивает, так с чего бы мне краснеть?

Усач неохотно отвел глаза от моей груди и обратился к Вите:

– Витек, а она справится? Хоть немного в программировании сечет? Или совсем ничего? Я, не выдержав, возмущенно фыркнула, а Витя спокойно объяснил:

– Квалификация не ниже, чем у Димы. Только Дима еще в железе сечет, а она ноль. Но по железу мне этот месяц помощник не нужен, с железом я сам разберусь.

– То есть она годится? – уточнил усач, и я подумала, что секс для него сексом, а интересы дела все-таки главное. И это во всех отношениях хорошо.

Успокоившись по поводу моей профпригодности, он протянул мне руку:

– Костик. Директор.

– Надежда. Программист, – ответила я, неохотно пожимая руку. Терпеть не могу здороваться таким образом, особенно неизвестно с кем. Негигиенично и противно.

С трудом вырвав свою конечность из Костиных лап, я поняла, что он не собирается уходить.

– Ну, расскажи нам, откуда такие куколки берутся? Ты работаешь или студентка? Вот Юрий у нас, например, студент. На вечернем пашет. А днем здесь курьером. А ты?

– Работаю, но сейчас в отпуске.

Директор пододвинул свой стул ко мне, я отодвинулась. Снова пододвинул – я отодвинулась опять. А дальше стенка, и отступать уже некуда. Мой мозг судорожно заработал. Надо этого маньяка чем-нибудь отвлечь, а не то с первой же минуты мы войдем в конфликт, он меня вышвырнет, и миссию свою я благополучно завалю. Что делать?

– Вы котиков любите? – спросила я.

Что-то в нем такое было, что подсказывало: любит. А котики, они волшебные, они отвлекут от чего угодно.

Я уже успела установить привычную программу: кто-то для отдыха раскладывает пасьянсы, а я запускаю на экране кота, который непредсказуемым образом творит разные веселые безобразия.

Полюбоваться сбежались все. Еще бы – когда котик начал оглаживать усы ровно так, как делал это Костик, последний аж завизжал от восторга. А потом директор вместе с остальными удалился. Таким образом, опасный рубеж был преодолен мною без потерь.

– Понравился кот? – поинтересовалась я у Вити.

Он пожал плечами:

– Не вижу в нем смысла.

– А в нем нет смысла, – улыбнулась я. – В нем удовольствие.

– Удовольствие мешает работе. Будешь на него смотреть и отвлекаться.
– Мне лично не мешает, только взбадривает. И вообще, жалко его убирать. Все-таки живая тварь.

– Какая же живая? – удивился Витя. – Компьютерная.

– Ест? Ест. Спит? Спит. Даже в туалет ходит. Разве это не признаки живого существа?

– Ты шутишь? – заподозрил мой собеседник.

– Разве можно шутить на работе? – со звериной серьезностью парировала я. – Работе это мешает.

– В общем, да. Я думал об этом. Я вообще увлекаюсь психологией. В интернете сейчас столько интересной литературы по этим вопросам! Психологи пишут, что шутить даже полезно. Разумеется, если в меру. Я и сам иногда шучу.

– Сейчас? – с надеждой спросила я, взглядываясь ему в лицо.

– Почему сейчас? Я говорю с тобой серьезно. Ты же умная, и с тобой можно серьезно разговаривать. Ты ведь не Лерочка.

Я вздохнула. Печально, что единственный нормальный человек в конторе оказался без чувства юмора. Однако он же в этом не виноват! Зато специалист хороший.

– Надя, тебя Костик зовет, – всунула к нам голову Лерочка. – В кабинет.

К тому времени я так увлеклась одной задачей, что почти забыла о том, что я не в своем институте, а неизвестно где. В раздражении, что начальство всегда выбирает для вызова самый неподходящий момент, я протопала в кабинет. Едва дверь успела захлопнуться, Костик толкнул меня на диван и навалился сверху.

– Отстань, псих! – не на шутку разозлилась я, но тут же поняла, что он не слышит. Или не слушает. Короче, беседовать с ним бесполезно. Пока я буду разглагольствовать, от моей девичьей чести останутся рожки да ножки. Заорать на всю контору? Я бы с радостью, только в критических ситуациях у меня пропадает голос. Драться? Он настолько сильнее, что даже не заметит. В общем, разъяснять в данном случае дольше, чем сделать. Я взяла да укусила своего новоявленного начальника, не жалея челюстей.

Он отскочил, как ошпаренный. Я тоже. Мы стояли и пялились друг на друга, словно два барана, пока он неожиданно не начал смеяться. И смеялся он так искренне и заразительно, что почти сразу стала хохотать и я. Действительно, разве положение наше не комично? «У-у!» – выл в восторге Костик. «У-у!» – вторила ему я и, не в силах устоять на ногах, плюхнулась на многострадальный диван. Мой визави тоже не мог нормально стоять и прислонился к письменному столу. Вытирая слезы, он с трудом выдавил:

– Слушай, а если я тебе премию выдам? У-у! Не думай, я не скупой. Я много дам. Наличкой.

– Хоть золотом-бриллиантами, не поможет. – Я оказалась более способна к произнесению длинных фраз, хоть щеки и болели от смеха. – Раз я не хочу, значит, не хочу.

– Ладно, усек. У-у! Только если раздумаешь, дай знать, ладно? Не стесняйся. Как ты меня уела, а? У-у! А я-то!

Он снова прилег на стол, а я открыла дверь и, все еще продолжая хихикать, вышла. И тут я наткнулась на полный такой ненависти взгляд, что веселье мое мигом испарилось. Причем взгляд этот я почувствовала спиной. Его невозможно было не почувствовать, он прожигал насквозь.

Я обернулась. Светлана Петровна, сидя рядом с Михаилом Григорьевичем, что-то тихо и настойчиво ему втолковывала, тот недовольно кивал. И больше никого. Вернее, все были на местах, однако не там, откуда на меня только что вылилась страшная лавина ненависти. Светлана Петровна – Михаил Григорьевич. Кто из них? Скорее она... о господи, неужто она влюблена в этого маньяка? Наверное, она решила... а впрочем, что все они должны были решить? Зная Костика и видя, как я, сияя, выплываю из его кабинета... да еще слыша его восторженные

стоны... Пожалуй, репутации-то моей каюк. Как бы мне поддипломатичнее ее восстановить? Не то чтобы она меня волновала, только не люблю, когда меня ненавидят, к тому же ни за что ни про что.

Впрочем, у происшествя были и положительные последствия. Во-первых, мои отношения с начальником четко определились, а во-вторых, честно говоря, я стала испытывать к нему симпатию. Да, бабник, да, грубиян, только много ли вы встречали мужчин, способных искренне смеяться, когда им дали от ворот поворот? Я – до нынешнего дня – ни одного. Забегая вперед, замечу, что Костик не начал плохо ко мне относиться или как-нибудь притеснять. Наоборот. Он с удовольствием со мной беседовал, при этом стараясь держаться вежливо, разве что иногда повизгивал от смеха.

Витя сидел мрачный, как облако, но я не знала, отнести ли это к моему манкированию работой или его расстроил мой моральный облик. Его вид действовал мне на нервы, и так находящиеся не в лучшей форме, поэтому я очень обрадовалась, когда прискакала Лерочка и позвала меня на помощь.

Она набирала на компьютере служебную записку, любуясь котиком, которого тут же установила себе.

– Смотри, он разлегся как раз там, где мне надо исправить, и мешает.

– Передвинь его мышью.

– Кота – мышью! – радостно захихикала она. – Здорово, да?

Лерочка, как магнитом, притягивала сослуживцев. Проходя мимо, каждый (кроме Светланы Петровны, разумеется) не упускал случая хоть чуть-чуть ее потискать. Будучи в настроении, она в ответ заливисто хихикала, а пребывая не в настроении, бурчала: «Отстаньте, монстры!» – с таким милым возмущением, что даже мне, женщине, хотелось тут же ткнуть в нее пальцем, чтобы услышать это бурчание снова. Слово «монстр», кстати, почему-то было у «сириусцев» в большом ходу.

– Девчонки, по домам! – отвлек меня от размышлений Костик. – Пора. Лерочка, ты все запрешь?

– Конечно. Идите.

– Давай я тебе помогу, – предложила я.

– Давай. Тебе на метро?

– Да.

– Вот и пойдем вместе. А то Юрий сегодня занят.

– Юрий – это который здесь работает?

– Да, – кивнула Лерочка, мечтательно улынувшись. – Курьером. И в институте на вечернем учится. Умный, правда?

– Правда.

– Я рада, что он тебе понравился. Когда мы накопим денег на отдельную квартиру, мы поженимся. Только это будет нескоро. Хорошо, что Костик согласился его сюда пристроить. Конечно, платит ему не так, как мне, но и то негде взять. Он, Костик, не скупой. Ты имей в виду. Сам не всегда предложит, а попросишь – не откажет.

– А мне все равно. Я с ним внеслужебных отношений не имею и иметь не собираюсь.

– Ты это серьезно? То-то я удивилась – он сразу после тебя меня позвал. Ну, думаю, он сегодня и дает! Прямо монстр! А теперь все ясно.

Меня несколько покорибила подобная прямолинейность, однако обаяние Лерочки было столь велико, что я не менее прямолинейно спросила:

– А Юра знает? О Костике, в смысле.

– Конечно.

– И... как?

– Ну, не очень, конечно, рад. Я тоже не очень рада. Костик-то как раз ничего, а вот Лёнька... потный, скупой, зато претензий! Ты ему то, ты ему это, а он тебе фигу с маслом.

Моя собеседница обиженно вздохнула, а во мне закипело возмущение.

– Так откажи ему!

– Это как?

– Очень просто. Скажи – не хочу.

– Я говорила. А он отвечает: «Зато я хочу».

– А ты скажи – это твои проблемы.

– Ну да, а он меня уволит. Это Витьке там, например, я могу такое сказать, а у Лёньки с Костиком всякие фигли-мигли. Повязаны они! Легче потерпеть, тем более обычно недолго. Конечно, настроение портится, но я тогда знаешь что делаю?

– Что? – заинтересовалась я.

– А смотри!

И Лерочка с разбегу вскочила на огромный пружинный диван и принялась там скакать, с упоением выкрикивая: «Пух-пух-пух! Пух-пух-пух!»

Она делала это так заразительно, что я с трудом удержалась, чтобы не последовать ее примеру, однако вовремя вспомнила, что поступила в «Сириус» вовсе не ради прыжков на казенном диване, а со шпионскими целями, поэтому небрежно осведомилась:

– Кстати, а чем ваша контора занимается? Я так и не поняла.

– А всякой всячиной. Это называется посредническая деятельность. Костик знает, кто что продает, и знает, кто это хочет купить. Пух-пух-пух! Мы оформляем какие-то бумажки и получаем свой процент. Очень просто.

– А почему продавец и покупатель не свяжутся напрямую?

– Не знаю. Наверное, им так легче. Иди сюда! Когда у тебя еще будет удобный случай? Это так здорово! Пух-пух-пух!

Вот на такой интересной ноте закончился мой первый рабочий день в логове врага.

Глава 3

Придя домой, я вновь тщательно изучила фотографии. Итак, имеются Костик, Лёня, Олег, Лерочка и Юрик. Светланы Петровны, Михаила Григорьевича и Вити нет. Нет – и слава богу. Костик снят с различными дамами и мужчинами, Лёня с Лерочкой и каким-то типом, Олег с двумя дамами, Лерочка с Юриком, Костиком и Лёней, а Юрик с Лерочкой. Сам черт ногу сломит!

К сожалению, впереди ждало худшее. Я раскрыла тетрадку и внимательно перечла ее содержимое.

«Материальные проблемы. Фирма “Сириус”.

N1.

Анатолий Анатольевич Соболев.

Ирина Витальевна Соболева.

Валечка с мясной базы.

Трус. Не пережимать.

N2.

Вениамин Борисович Абрамов, ЧП “АБВ”.

Коммерческие тайны.

N3.

N4!!!

N4.

Водка – ООО “Эридан”.

Мясо – ЧП “Гамма”.

Металл – ООО при СПбМЗА.

№3!!!

№5.

Пастырь.

№6.

Зависть.

№7.

Перекажи поле.

№8.

Простота хуже воровства.

№9.

Терпение до поры до времени».

Вот вам все девять страниц. И что я с ними должна делать?

Единственное, на что меня хватило, – сосчитать по пальцам знакомых мне «сириусцев». Их оказалось восемь. А страниц-то девять! Девятый член фирмы, впрочем, теперь я, только вряд ли я фигурирую в тетрадке. Там, видимо, программист Дима, ушедший в отпуск. Итак, девять человек – девять записей. Осталось понять, что к кому относится. Всего-то? А может, мне расшифровать письма маяя или предсказания Нострадамуса? Ясно только, что №3 и №4 связывают какие-то отношения аж с тремя восклицательными знаками. Кто же это? Костик и Лерочка? Лёня и Лерочка? Лёня и Костик? Лерочка и Юрик? Вариантов тьма. Кто-то, вероятно, трус. Еще у кого-то зависть. К кому? Голова пухнет! Я ведь вчера начала собственный список? Займусь-ка лучше им. Вдруг рано или поздно между ними двумя возникнут пересечения? Тогда хоть что-то станет ясно.

Мои подкорректированные данные выглядели так.

«Лерочка, секретарша.

Очень милая. Спит со всеми подряд. Особенно с Костилом и Лёней. А замуж собирается за Юрика. На этот счет есть фото. Простодушна, но себе на уме.

Лёня, коммерческий директор.

Холерик. Спит с Лерочкой. На этот счет есть фото. Привередливый, скупой и потный. Использует служебное положение в личных целях. Имеет деловые контакты с неизвестным типом. Также есть фото. А с Костилом у них фигли-мигли.

Витя, главный программист.

Квалифицированный. Без чувства юмора.

Олег, заместитель директора по связям.

Хорош, как бог. Сдержан. Есть фото с двумя дамами – с одной из них несколько кадров.

Михаил Григорьевич, заместитель директора по снабжению.

Язвенник. Раздражителен. Возможно, смотрел на меня с ненавистью, когда я вышла из кабинета. Почему?

Светлана Петровна, бухгалтер.

Страшна и умна. Скорее всего, смотрела с ненавистью она. Влюблена в Костика?

Юра, курьер.

Жених Лерочки. Не в восторге от ее шашней с начальством.

Костик, директор.

Бабник. На этот счет есть фотографии. Имеет деловые контакты с какими-то типами. На этот счет есть фотографии. С чувством юмора. Бестактный».

Позагивав пальцы, я было решила, что у меня не все в порядке с устным счетом, однако быстро сообразила и приписала:

«Дима, программист, в отпуске.

Разбирается не только в программах, но и в железе. Уехал в Анталию за два дня до убийства».

Других сведений о нем не было и не предвиделось, однако мне и этого вполне хватало. Диму из подозреваемых бодро выметаем!

Я тщательно сличила оба списка. Пожалуй, «простота хуже воровства» может относиться к Лерочке. Тогда она занимает номер восемь. Вот и вся пожива, да и та весьма ненадежная. Впрочем, у меня впереди почти месяц.

Глава 4

На следующий день я поняла, что мое рабочее место расположено крайне неудачно. Со мной в одной комнате заседал только Витя, а он среди подозреваемых шел даже не во втором, а в третьем эшелоне. Ну чем, скажите на милость, можно шантажировать программиста, пусть даже работающего в посреднической конторе? Директора, заместителя директора, бухгалтера – запросто. Наверняка они проворачивают различные махинации. Говорят, их все проворачивают, за исключением дураков вроде меня. А программист – мелкая сошка и ответственности не несет. Что же касается Витиной личной жизни, так вряд ли она выходит за разумные пределы. Фотографий его и то нет!

Поэтому с утра, получив задание, я вынуждена была временно забыть о расследовании и начала разбираться со списками поставщиков. И, представьте, почти сразу же обнаружила нечто важное. Недаром я вчера тщательно изучала записи Софьи Александровны! Среди большого количества названий я вычленила ООО «Эридан», ЧП «Гамма» и ООО при СПБМЗА – то, что фигурировало под номером 4 в загадочной тетради. И чем же эти предприятия выделяются из общего ряда? Почему выбрали именно их?

Я подняла голову, чтобы деликатно порасспрашивать Витю, и наткнулась на устремленный на меня полный удовлетворения взгляд.

– Что-нибудь не так? – слегка опешила я.

– Слушай, это правда?

– Что?

– То, что ты не намерена иметь с Костиком внеслужебных контактов?

«Быстро же Лерочка успела настучать», – удивилась я, хотя и рассчитывала именно на данный результат.

– Правда.

Витя потер руки от удовольствия и рассудительно заметил:

– Это хорошо. Работать лучше будешь. Нам одной шлюхи на офис вполне достаточно. Секретарша она – хуже некуда, хотя, конечно, красивая. Но ты тоже красивая. А когда сидишь за дисплеем и думаешь о работе, лицо такое, что даже влюбиться можно.

Ни тени иронии или игривости – спокойная констатация фактов. Меня, конечно, так и подмывало вставить что-нибудь ехидное, но я решила не прерывать неожиданную словоохотливость собеседника – вдруг да что узнаю?

– И я хочу тебя предупредить, раз ты порядочная: они тут все женатые. Неженаты я, Олег и Юрка. Ну, еще Димка, который сейчас в отпуске. А Костик и Лёня – ходоки. Ни одной юбки не пропускают.

– Ну, хоть одну-то, надеюсь, пропустили, – вставила я, вспомнив Светлану Петровну.

– Я не буквально говорю, – улынулся моей наивности Витя, – а фигурально. Конечно, на всех женщин даже их не хватит. Я тут недавно скачал с интернета одну книжку по психологии секса. Там пишут, что подобное поведение – следствие комплекса неполноценности перед отцом, заложенного в раннем детстве в связи с чрезмерной любовью к матери. Эдипов комплекс, слышала название?

Тайком ушипнув себя, чтобы не засмеяться, я напрямик спросила:

– А, например, Светлана Петровна? Она ими явно не охвачена.

– Ну, она некрасивая. Хотя очень умная и специалист прекрасный. Но они относятся к тому типу мужчин, который ценит в женщинах лишь внешнюю оболочку. Я, например, отношусь к другому типу. По классификации из книги «Акцентуированные личности» они демонстративного типа, а я педантического. Из последнего получаются самые лучшие мужья.

Жутко подмывало брякнуть: «Я поняла намек, любимый, когда же в загс?» – но вместо этого я указала на дисплей компьютера:

– Слушай, тут столько поставщиков! А что они поставляют? И где вы храните то, что они поставляют? И вообще, ты о них что-нибудь знаешь?

– Не храним мы это нигде. Мы – только посредники. А поставляют они три вида продукции – продукты питания, спиртное и непродовольственные товары. Видишь, тут помечено – 1, 2 или 3. Так мы их обозначаем.

– Поняла. И все они для тебя – только адреса в компьютере, или нечто большее? Вот, например, ООО «Эридан» – это еще что такое?

– А зачем тебе? Для твоей работы это не пригодится. Это дело замдиректора по снабжению. Или по связям.

– Просто скучно, когда все формализовано. Хотелось бы чего-то поконкретнее, для интереса.

– Точно, – удовлетворенно кивнул Витя, – таковы особенности женской психологии. Я в конкретику не вникаю. Получаю данные и их обрабатываю. Конечно, стань я замдиректора по снабжению, вник бы. Я ведь хороший работник. И платили бы мне больше. Я убежден, что справился бы.

– То есть ты хотел на эту должность? – сообразила я.

– Конечно. Это было бы повышение. Ты бы ведь, например, тоже хотела стать у себя начальником отдела.

Я ужаснулась:

– Ни за что! – но пожалела собеседника и добавила: – Такова особенность женской психологии. Михаил Григорьевич старше тебя, поэтому, наверное, его и взяли в заместители.

– Костик уверяет, что я не умею находить общий язык с людьми. Однако я этого не замечал. Я со всеми легко схожусь. С тобой вон только вчера познакомился и уже с легкостью болтаю. А Михаил Григорьевич двух слов не сказал. Просто он человек Анатолия Анатольевича, вот и все.

– А это еще кто такой?

– Это наш покровитель.

– Крыша? – щегольнула познаниями я, но тут же была поставлена на место:

– Вовсе нет. Крыша – это охрана, а он – покровитель. Оттуда.

Я вслед за Витей взглянула на подвесной потолок.

– Из рая? Исполкома? Мэрии?

– Как бы да. Спрашивай у Костики, это его проблемы. А сейчас пора за компьютер. Мы отвлеклись.

Я кивнула, только думала о другом. Анатолий Анатольевич... Его, интересно, не Соболев фамилия? N1 – Анатолий Анатольевич Соболев, Ирина Витальевна Соболева. Жена?

Отсидев пару часов, я решила, что имею полное моральное право заняться тем, ради чего сюда проникла. В конце концов, я работаю быстро и сделала вполне достаточно. Правда, зануда Витя может возмутиться... А я парирую, что раз у меня есть стол в общей комнате, значит, мне положено за ним хоть иногда появляться. Весь день за дисплеем – глаза устанут. Пусть скачает из интернета какую-нибудь книжку про здоровье да проверит.

И я отправилась в общую комнату. Вообще-то у меня была идея поприставать к Михаилу Григорьевичу, но вместо этого я, понятно, уставилась на Олега. Надо законом запретить быть таким красивым! Остается надеяться, что со временем я привыкну. К Олегу, впрочем, мне тоже не мешало бы поприставать. Он – зам по связям и наверняка знает ООО «Эридан» и тому подобную гадость. Только, скорее всего, моя активность будет воспринята не так и испортит бедному парню настроение.

Жизнь текла своим чередом. Олег только что приехал от каких-то смежников и тихо докладывал Лёне ситуацию. Лёнина реакция, как всегда, была бурной, он то восхищался, то возмущался. Светлана Петровна корпела над балансом, Михаил Григорьевич нервно тыкал пальцем в клавиатуру своего компьютера.

– Может быть, вам помочь? – предложила я. – Что-то не так?

– Да по ошибке стер нужный файл. Все утро набирал! Столько труда коту под хвост!

Он мрачно махнул рукой.

– Только ничего не трогайте! – предупредила я. – Я попытаюсь восстановить. Не ручаюсь, но попробую.

Попотеть пришлось изрядно, однако информацию я спасла.

– Вы... вы просто гений! – пылко поблагодарил меня спасенный. – Я рад, что вы у нас работаете.

– Вам бы и Витя это сделал.

– Витя сказал бы, что в его обязанности данное действие не входит, и продемонстрировал должностную инструкцию, – язвительно возразил Михаил Григорьевич. – А вы, Надя, так безотказны по молодости лет.

– Надеюсь, что нет. Интересная у вас, наверное, работа? С людьми, да?

– У меня? Ха! Да скучнее я ничем в жизни не занимался. Был раньше инженером-радиотехником, такие схемы паял – вспомнить приятно. Только это никому теперь не нужно. Развалился мой завод – как там? «По винтикам, по кирпичикам». Полеты в космос никого теперь не интересуют. У нас ведь теперь в стране есть дела поважнее – купить да продать. Вот и корплю здесь. Езжу на склад смотреть на какие-то чертовы консервы, чуть ли не банки пересчитываю. Стоило ли для этого получать высшее образование, потом всю жизнь повышать квалификацию и становиться хорошим специалистом?

Я неуверенно заметила:

– Но, может быть, все-таки можно найти место, где бы вам нравилась больше? Если здесь не нравится. Зачем мучиться?

– За деньги, – горько пояснил мне собеседник. – Я сюда устроился по большому благу, через родственников жены. Мне уже за пятьдесят, я списан в тираж. А семью кормить надо. Двое детей. Сын врач, получает гроши, дочь фактически безработная. Внуки. Вот и держусь за свое место зубами. Язва обострилась. Даже жена говорит: «Увольняйся, проживем как-нибудь, нельзя тебе так мучиться». А как проживем?

Он вздохнул, я тоже. Да, у меня вот, например, прекрасная работа, однако зарплата оставляет желать лучшего.

– А все эти фирмы, с которыми вы связаны... Может, среди них есть такая, где нужны специалисты вашего профиля? Конечно, не те фирмы, которые продуктами торгуют, а радиотехникой, например? – предположила я.

– Они торгуют, а не производят.

– Я видела в списке какое-то ООО при СПбМЗА. Похоже на аббревиатуру завода. Или нет?

– Да, продают лом цветных металлов. Разворовывают, небось, остатки своего завода! Микросхемы с драгметаллами списанные, еще кое-что. Несколько фирм у нас это покупают и

как-то используют. Только это уже не моя головная боль. Хоть памятники пусть из них строят, хоть питаются ими, мне плевать!

Что ж, пусть немного, но я у Михаила Григорьевича узнала. К тому же узнала его самого, и он вызвал у меня сочувствие. Теперь бы подкатиться к Олегу... В конце концов, если б он не был таким красавцем, я бы к нему обратилась, правда. Смешно избегать контактов с человеком лишь по той причине, что он поразительно хорош собой.

Олег как раз включил свой компьютер и с легкой улыбкой смотрел на экран. Я вытянула шею – ого, на экране-то мой котик!

– Милый он, правда? – не упустила случая я.

– Да, – молниеносно погасил улыбку Олег.

– А вы им кидались?

– Кидался? Это как?

Я продемонстрировала, как котика можно поднять повыше и бросить. Он при этом ведет себя по-разному – иногда скачет, словно Лерочка на диване, а иногда ушибается и обиженно мяукает. Олег заинтересовался и даже забыл, что ему следует опасаться агрессии с моей стороны.

– А я сижу и работаю со списками, – пожаловалась я. – Скучно. Вам-то хорошо, для вас за всеми этими названиями стоят конкретные люди. ЧП «Гамма»... Вот и начинаешь думать: почему гамма? Из Греции что-нибудь привозят, что ли?

– Господь с вами, Надя, какая Греция! Датское мороженое мясо. Просто у людей бедная фантазия, вот в ход и идут буквы греческого алфавита.

– Или звезды.

– Именно, – засмеялся Олег. – По вашей логике, мы, как «Сириус», должны торговать звездной пылью?

– Вы нет, вы ведь перепродаете все подряд, правильно? А вот этот... ООО «Эридан» – конечно, поставляет метеориты.

– Увы, такой прозаический предмет, как водка. Еще коньяк... кстати, греческий. Это должно быть для вас поприятней.

– Я водки не пью, а в коньяках не разбираюсь. Вот если б конфеты или шоколад... Впрочем, я предпочитаю наш.

Мой собеседник оживился:

– Вы совершенно правы. Импортный в основном молочный, я его не признаю.

– Ага, – не удержавшись, перебила я, – начинка бывает вкусная, зато так называемый шоколад...

– Именно! Шоколад «так называемый». Да и наши фабрики часто гонят халтуру. Шоколад у них мягкий, как...

– Как кондитерская плитка, – подхватила я. – А он должен быть твердым. Однажды я купила шоколадный лом. Не плитками, а кусками. Так я об него зуб сломала!

Мы оба мечтательно уставились вдаль при мысли о чудесном продукте, ломающем своим поклонникам зубы, и перешли к конфетам. Как трудно найти настоящий «Грильяж»! Дело же не только в том, чтобы насовать туда орехов, важно еще...

– Обед, – мрачно сообщил нам кто-то. Мы неохотно отвлеклись.

– Обед, – повторил Витя. – И вообще, ты здесь в качестве программиста, а не гастронома.

Я пожалала плечами:

– Если ты считаешь, что я наработала недостаточно, могу остаться и посидеть тут в перерыв. Тем более у меня с собой есть бутерброды.

– Зачем бутерброды? – изумился Олег. – У нас микроволновка и продуктов полный холодильник. Лерочка за этим следит. Но я не люблю есть там, где работаю. Я хожу в кафе, здесь неподалеку. Довольно приличное.

– Я тоже не сторонница еды на рабочем месте. Еда – это святое, и осквернять ее грех. Но сегодня придется, раз уж Витя такой строгий начальник.

Надо было видеть выражения лиц моих собеседников. То, что я не стала навязываться в спутницы к чуду красоты, потрясло обоих до глубины души. Причем обоих *приятно* потрясло.

А у меня имелась своя причина остаться. Я хотела на свободе осмотреть помещение. Вдруг попадется что-то интересненькое? Конечно, это неприлично с моей стороны, но разве я не для того сюда устроилась?

Все удалились, а я подошла к окну и задумалась. Из окна виднелась скамейка, на которой так любила сидеть Софья Александровна. Оттуда, видимо, она делала свои снимки – по крайней мере, их часть. Оттуда наблюдала. И подобрала себе кого-то из «Сириуса» для решения материальных проблем. Или сразу нескольких? В тетради записаны все, на фотографиях пятеро из восьми. Конечно, один из объектов шантажа – Костик. Я вспомнила, как Софье Александровне принесли антиквариат в качестве благотворительной помощи от фирмы. Остальные действовали бы лично от себя, только Костик мог вот так официально. Неужели он убийца? Неужели из-за него она никогда не увидит больше цветения лип, а Амишка остался сиротой? Трудно поверить. Человек, способный искренне хохотать, когда объект притязаний... гм... скажем, настойчиво тебя отвергает... в общем, такой человек сумеет решить свои проблемы, не совершая убийства. Или я неправа? Как бы там ни было, подозреваемых еще масса. Олег, Лёня, даже Лерочка. Для меня важно не кто подвергнулся шантажу, а кто убил. Господи, я забыла о Зинаиде Ивановне и Андрее! Который же из них всех, который?

В некоторых ситуациях я сперва действую, а потом думаю. Так случилось и теперь.

– Извини, – вздохнула я, протягивая Лёне руку, чтобы помочь ему встать. – Но больше так не делай. Я барышня нервная.

Еще не хватало, чтобы всякие там подкрадывались ко мне сзади и хватили за всякие места! У меня хорошая реакция – и я, не глядя, врезала так, что нахал отлетел на другой конец комнаты. Тем более Лёня маленький и легкий.

Руки моей он не взял. Он заверещал пронзительным голосом:

– Идиотка! На кой черт ты нам далась! Ты у нас больше работать не будешь, поняла! Проси у меня прощения, ты! Еще ляжешь со мной, как миленькая, ты!

– Если тебе нужна проститутка, – холодно заметила я, – то ты обратился не по адресу. Я получаю зарплату в качестве программиста. Экономия на мне, как на Лерочке, у тебя не пройдет. А если ты потребуешь, чтобы Костик меня уволил, я с удовольствием расскажу ему о причинах. Он будет хохотать.

– Хохотать буду я, – сквозь зубы процедил Лёня, вставая. – Ты еще меня не знаешь. Я всех держу в руках, всех! Думаешь, раз я хи-хи, ха-ха, так я простой? Это я так, для виду. Я все про всех знаю. И о тебе все узнаю, стерва. Ты еще у меня попляшешь!

– Имейте в виду, – разъяснила я, переходя на «вы», – что после подобных высказываний как человеческая личность вы для меня больше не существуете. Я постараюсь сохранять с вами вежливость, как с коллегой, но не более того.

И я вышла во двор, поскольку просто боялась оставаться с ним наедине. У него был вид человека, способного убить меня на месте. Да, влипла я в историю! Следовало отстранить его как-нибудь поаккуратнее, а то перекалечу всех мужчин фирмы. Но я ведь не нарочно. Я инстинктивно оттолкнула, даже не зная кого. Кто думал, что он такой хлипкий? Сам мог бы аккуратнее приставать. К тому же я сразу извинилась, а он ругаться начал. Ругаться и угрожать. Отвратительное поведение. Абсолютно немужское. Вот если б оказалось, что он убил Софью Александровну, я бы совершенно не удивилась.

А действительно, почему бы и не он? У меня есть его фотографии с каким-то незнакомым типом. Вряд ли они были сделаны просто так. Значит, есть в них какой-то криминал, только я его не вижу. Вот догадаюсь, в чем дело, и выведу мерзавца на чистую воду. Господи, как не

хочется возвращаться в контору и снова его видеть! Не хочется, но надо. Перерыв подошел к концу.

Глава 5

– Надежда, зайди ко мне, – поманил меня Костик, не успела я переступить порог. – Дело есть.

«Неужели Лёня уже пожаловался? – изумилась я. – Значит, я совершенно не разбираюсь в людях. Я считала, для него смех окружающих страшнее пистолета. Он будет мстить исподтишка, чтобы никто не догадался, в чем дело. Или Костик снова примется за свое? Устала я от них всех, честное слово».

Оба моих предположения не оправдались.

– Слушай, Надежда, – серьезно начал Костик. – Сегодня к нам зайдет один человек. Зовут его Анатолий Анатольевич. Так уж ты, пожалуйста, ему не хами. Уж постарайся.

– Он что... пристаёт очень? – заподозрила я.

– У-у! – не выдержав, заржал мой начальник. – Скажешь тоже! У него молодая жена, в которой он души не чаёт. Ну, для него молодая, по крайней мере. Нет, его ты не бойся. У-у! Он – не я. Просто мы в нем очень заинтересованы. Короче, без него мы – ноль без палочки, и ему достаточно пошевелить пальцем, чтобы мы... Ну, понимаешь? А у тебя нет чувства субординации, и чего от тебя можно ждать... В общем, ты с ним характер свой попридержи, ладно? Ты уж лучше на мне характер тренируй, как вчера! У-у! Как ты меня... вспомнить приятно!

– Хорошо, я постараюсь вести себя, как надо, – стараясь не улыбаться, ответила я. – Я же не монстр какой-нибудь, чтобы без причины кусаться. Я воспитанная и деликатная. Только нежная, как цветок, который нельзя трогать грубыми руками. Разве вы не заметили?

Мы оба фыркнули и, весьма довольные друг другом, разошлись. Никаких прожигающих взглядов я при выходе не ощутила. Возможно, вчера мне почудилось?

Анатолий Анатольевич прибыл ближе к вечеру.

– Он уже во дворе! – трагическим шепотом сообщила мне Лерочка и округлила глаза. – Бежим!

– Куда? – изумилась я. Мне почему-то вспомнилась детская страшилка о черной руке. «Черная рука уже идет по коридору, черная рука уже открыла дверь...» Так и подмывало забраться для безопасности под кровать!

– В приемную. Мы все должны там его встретить.

– А я уж намеревалась прятаться в подпол.

– Ты шутишь? – догадалась моя собеседница. – Как я тебе завидую! А я боюсь его до умопомрачения. Он на меня даже не смотрит, представляешь?

И она за руку потащила меня в холл, где все мы выстроились в ряд в ожидании явления Христа народу. И вот Христос явился. Был он лет пятидесяти, а то и более, среднего роста, хорошего телосложения и с довольно правильными чертами. У него оказались очень тонкие губы и брови, они вечно находились в движении, извиваясь, как пиявки. Из коего сравнения легко понять, что симпатии у меня покровитель «Сириуса» не вызвал. Голос у него был высокий, почти женский, а интонации нарочито ироничные. Тот факт, что окружающие, включая женщин, стоят, не вызвал у сидящего Анатолия Анатольевича ни малейшего смущения.

– Анатолий Анатольевич! – согнулся в угодливом полупоклоне Костик. – Я не смел верить! Когда мне сказали, что вы намерены нас посетить... я не мог надеяться, что вы лично! Полагал, вы пошлете к нам кого-нибудь со своими указаниями! А вы... как мне вас благодарить?

– Благодарите Ирину, – небрежно заметил Соболев, жестом руки прерывая поток лести. – У нее завтра день рождения, и ей вдруг взбрело в голову пригласить всех вас. Не завтра, разумеется, завтра будут солидные гости, а послезавтра. В ее любимый ресторан. Вы же знаете, какая она сумасбродка. Съезди, говорит, и пригласи. Они, мол, все такие милые.

– Так и сказала? – тон Костика явно демонстрировал, что если б господь бог лично пообещал ему бессмертие, потрясение и то не было бы столь велико. – Ирина Витальевна – наш добрый гений. Мы просто счастливы. Не правда ли?

И он обернулся к нам, а мы бодро закивали.

– Михаил Григорьевич, – милостиво поманил высокий гость, – как у тебя дела?

– Спасибо, неплохо.

– Ирина недавно спрашивала, как поживает тетя Таня. Как ее нога? Или рука? Я запомывал.

– Спасибо! Передайте, что операция прошла успешно. А Ирочка, полагаю, все цветет? Мы ее давно не видели.

– Пожалуй, можете прийти с женами. Приводи Татьяну, Иришка будет рада. Действительно, что-то она давненько вас не посещала. И вы своих жен приводите. Человеком больше или меньше для меня непринципиально. А теперь ты подойди ко мне, детка. По-моему, я тебя раньше не видел?

– Она у нас временно, – поспешил сообщить Костик. – Работает вместо Димы программистом, пока он в отпуске.

– Программистом? – протянул Анатолий Анатольевич так презрительно, словно сомневался, что я способна не то что программировать, а даже самостоятельно перейти улицу. – Ну-ну...

Поверите ли, в этот миг я впервые поняла, что одно человеческое существо способно воспринимать другое человеческое существо не как нечто, хоть приблизительно себе равное, а как... мне даже трудно подобрать сравнение... как безобидное насекомое. Этим безобидным насекомым в данном случае являлась я. Я стояла и смотрела сверху вниз на сидящего мужчину, и лицо мое, видимо, кое-что выражало, поскольку Михаил Григорьевич неожиданно затараторил о том, что у его Тани Ирина всегда была любимой племянницей, а дети их души в ней не чают, и Соболев легко забыл обо мне и снова перешел к обожаемой жене, а вскоре и вовсе покинул наш благодетельствованный кров.

– Ша! – подпрыгнув чуть ни до потолка, заявил Костик, едва за гостем закрылась дверь. – Сегодня больше не работаем. Я за базар отвечаю! Такое событие надо отметить!

– То есть можно идти домой? – уточнила я.

– Ты, Надежда, не уваливай. Это твое рабочее время. Ты водку пьешь?

– Нет, – честно призналась я.

В разговор вмешалась заинтригованная Лерочка:

– А со «Спрайтом»?

– Все равно нет.

– А почему?

Я задумалась и решила:

– Видимо, потому, что она невкусная.

– Значит, все-таки пила? – вклинился мудрый Костик.

– На поминках. Там отказываться как-то неловко. Поминкам, впрочем, вполне соответствует. Настроение портит радикально. По мне, чем пить водку, легче сжевать кустик алоэ. Так что я буду пить «Спрайт» гольем.

– Этого еще не хватало! Лерочка, сбегай в магазин. Одна нога здесь, другая там. Светик, Наденька, сварганьте нам что-нибудь на закуску.

Светлана Петровна, пожав плечами, стала вытаскивать из шкафа посуду.

– Давайте лучше я! – предложила я. – А то готовлю я не очень.

Однако, открыв холодильник, я поняла, что моих хозяйственных талантов для приготовления хранящихся там продуктов более чем достаточно. Холодильник ломился от пакетов с нарезками и консервов. У меня потекли слюнки, и я вспомнила, что из-за мерзкого Лёни не успела пообедать. Зато теперь мне предстоит бутерброды с икрой, семгой, форелью, твердокопченой колбасой трех сортов и карбонатом. Мы с подошедшим Олегом живо обсудили различие мясных товаров разных производителей и покидали кусочки разной вкуснятины на тарелки.

– А вот и я! – Лерочка радостно помахала перед моим носом бутылкой. – Это ты наверняка будешь пить!

Я взяла бутылку в руки.

– Замечательно! Коктебельского винзавода. Это даже лучше, чем «Массандра». «Массандра» бывает поддельная, а это нет.

– Откуда у вас такие сведения? – неожиданно поинтересовалась Светлана Петровна каким-то странным тоном.

– По опыту знаю. И вообще, если подделывать, то самую известную марку, правда?

Светлана Петровна явно собиралась сказать что-то еще, но ее перебила Лерочка:

– А я знала, что тебе понравится! Я пришла в магазин и прямо у них потребовала: «Мне, пожалуйста, дайте такое вино, которое будет пить приличная девушка». Вот они и дали. Не станут же они меня обманывать, правда?

И она посмотрела на меня, словно отличница, вызубрившая урок, на любимого учителя. Я засмеялась и поставила подарок прямо перед собой.

За столом первый тост принадлежал Костику – устройтелю торжества.

– Давайте выпьем за Анатолия Анатольевича и Ирину Витальевну. То, что сегодня произошло, удивительный пример их прекрасного к нам отношения. Я надеюсь, мы не посрадим их ожиданий. Послезавтра оденьтесь поприличнее. Михаил Григорьевич, если у Татьяны Ивановны нет подходящего платья, я выдам тебе аванс. Лёня, проследи, чтобы твоя Ленка не написала. Юрик, тебе поручается Лерочка, пусть ведет себя прилично. Витек, если будешь танцевать с Ириной – не занудствуй. Надежда – попридержи характер. Лучше всего – молчи и улыбайся. Да, еще подарок... Подарок я куплю с неучтенки. Светик, ты ведь разбираешься в камнях? Сходишь в ювелирный вместе со мной. Тут жмотничать нечего, не тот случай.

Светлана Петровна сидела напротив меня, и я видела, как было напряжено ее лицо во время этого монолога. И я вдруг словно бы прочла ее мысли: «Неужели обо мне он не вспомнит вообще?» Ей было бы легче услышать оскорбительный совет, как остальным, чем не услышать ничего. Зато в конце, во время последней фразы, что-то вдруг дрогнуло в ее глазах, и она стала... честное слово, она стала почти красивой! Я оглянулась. Неужели все вокруг слепы? Ведь происходящее видно невооруженным глазом! Однако никому не было до этого дела.

Вечер раскочегаривался. Я предусмотрительно примостилась рядом с Юрой, поскольку раньше он в основном пребывал в бегах и у меня не было возможности с ним поговорить. Юра оказался приятным парнем. Он прошел армию, причем в десантных войсках, и уверял, что это было самое счастливое время в его жизни. Поскольку армия всегда представлялась мне чем-то вроде тюрьмы, я была потрясена и начала расспрашивать. Юра оживился. Его рассказы, сдобренные не всегда приличным юмором, были полны романтики и жизненной силы. Он не произносил красивых фраз о мужской дружбе, но упоение ею и тоска по ней сквозили в каждой истории. Вообще, он был куда взрослее, чем Лера, и взрослее, чем я предполагала. В «Сириусе», держа его за мальчишку, глубоко заблуждались.

– Надюха! – неожиданно помахал пальцем перед моим носом не вполне трезвый Костик. – Ты мне это прекрати! Нечего наших голубков разлучать. Других охмуряй, а Юрку не тронь. Это наша сладкая парочка, правда, детки?

И он, лучезарно улыбаясь, одной рукой стал дружески трепать Юру по плечу, а другой тискать Лерину грудь. Юра отвернулся, лицо его случайно обратилось ко мне, и на меня моментально нахлынула волна непереносимой боли. «Как же он терпит? – молнией пронеслось у меня в мозгу. – И зачем он терпит?» Однако прошло мгновение, и парень уже улыбался.

Пили много. Пила даже Светлана Петровна, опрокидывая в рот стопки водки с поразившей меня сноровкой. Лёня, открывая бутылку кваса, облил меня – я убеждена, что нарочно. Платья было жаль, но я поведала, что в такую жару нет ничего лучше, чем освежиться, а пьяная вдрызг Лерочка, приняв это за чистую монету, тут же вылила на себя бутылку минералки. Эффект был разителен. Я убедилась сразу в двух вещах – что в мокром виде ее блузка становится прозрачной и что под блузкой нет ничего. Зрелище было такое, что облизываться начал даже Олег. Я поняла, что пора смываться, и тихонько встала.

– Я тебя провожу, – прошептал Юра и прошел за мной.

Провожатый мне действительно требовался. Хотя я была уверена, что почти не пила, голова кружилась изрядно. На каждый тост приходилось делать хоть плоток, а тостов было много. На свежем воздухе стало легче, зато почему-то захотелось плакать.

– Юра, – попросила я, чувствуя на глазах слезы, – забери ее оттуда! Ей там не место.

– А как? – отчаянно ответил он, захлебываясь и торопясь. – Ты думаешь, я не пытался? Ты думаешь, мне нужны их паршивые деньги? Мне *она* нужна, понимаешь? Я жить без нее не могу! Я как первый раз после армии ее увидел, восемь месяцев с тех пор прошло, и словно в омут головой. Уезжал, девчонкой была, смотрела на меня снизу вверх, а приехал – обалдел. Сперва думал – никогда она меня не полюбит. Я обычный, а она... Мне казалось, если она меня полюбит, все отдам, ничего мне больше в жизни не надо! А теперь она любит, а мне все мало, мало. Она ведь не понимает, что со мною делает. Она считает, раз она любит меня, а не их, мне не к чему ревновать. Она не видит этих унижений. Да, у меня нет квартиры даже в перспективе. Живу с родителями, да еще брат старший с женой. И Лера живет с родителями и с братом. Я бы пошел в любую общагу, как угодно, но она ведь не согласна! Она не понимает, зачем жить в плохих условиях, если можно заработать и жить в хороших. Вот она и предложила мне устроиться сюда. Я ведь не понимал ничего вначале. Господи, я бы институт бросил, все бросил, только б найти такое место, чтобы сразу дали эти бабки. Но кто мне их даст? Я ничего не умею. Не в киллеры же наниматься? Дать в газете объявление: «Хорошо стреляющий мужчина готов на любую работу». Вот до чего я дошел! Я ведь с ней рассорился как-то даже. Шлюхой назвал. Она так плакала, ты себе не представляешь! До сих пор в ушах стоит. Она ведь не считает себя шлюхой. Ей нужны деньги на отдельную квартиру, чтобы мы могли пожениться, и она пытается их заработать. Для нее это просто часть работы. Смешно, правда?

Это и правда было смешно. До слез. Тем более что Юрина мечта скопить на покупку квартиры была иллюзорной. Если появится квартира, выяснится, что Лерочке нужна машина. За машиной – гараж, за гаражом что-нибудь еще. Она никогда не остановится. Однако говорить об этом бедному парню мне не хотелось.

– Прости, – закончил он. – Я сам не пойму, чего это я вдруг на тебя все выплеснул. Нашло что-то.

– Потому что я очень вам сочувствую, – вздохнула я. – Но я не знаю, что тут делать. Только надеяться.

Я вспомнила Манон Леско и снова вздохнула.

Глава 6

Дома ждали голодные звери и толстая тетрадь. Зверьями пришлось заняться тут же, а тетрадь я оставила на завтра, с радостью вспомнив, что сегодня пятница. Я уснула, едва успев опустить голову на подушку.

Проснулась я от настойчивого телефонного звонка.

– Кто говорит?

– А кто вам нужен? – злобно поинтересовалась я.

Как ответить незнакомому человеку на вопрос о том, кто я? Это вопрос философский.

– Мне? М-м-м... Вы... м-м-м... Надя?

– Да.

– Это Андрей. Тот самый.

Я тупо молчала, не в силах продрать глаза.

– Я сосед. Софьи Александровны сосед. С дачи, – беспокойно пояснил голос.

– А, да, – очнулась я. – Доброе утро.

– Сегодня суббота, – мрачно известил меня Андрей.

– Я помню.

– Я что звоню... может, на дачу хотите? Так я отвезу. На машине отвезу. Я вас. На машине. На дачу.

– На какую дачу? – не поняла я.

– Ну, эту. Ейную. Я же вас всегда возил. По выходным, то есть. На машине. Вас и ее.

Я опешила:

– Но ведь дача не моя. Я не могу теперь туда приехать.

– Ну, – неохотно выдал мой собеседник, – можете пожить у меня. Места хватит. М-м-м... два дня. Или... м-м-м... один.

Я почти физически чувствовала, каких героических усилий потребовали от него эти слова. Они так и застревали у него в горле.

– Спасибо, не надо. Я отдохну в городе. А у вас, Андрей, как дела? Какие новости?

– Нормальные. Так мне приезжать?

– Спасибо, не надо. Вы звоните, если что.

– Заметано.

Зазвучали частые гудки. Я в обалдении глянула на время. Полдвенадцатого. А казалось, шесть утра. Все равно ничего не понимаю! С чего это вдруг он предлагает мне свои услуги? Да и услуги, мягко говоря, странные – отвезти на чужую дачу. Впрочем, готов даже на свою собственную. Причем явно не с целью сексуальных домогательств. Когда намерены домогаться, не пребывают в глухом пессимизме. Андрей же вел беседу таким тоном, словно разговаривал с собственным палачом. Бог мой! Он что, полагает, я буду его шантажировать? Считает, что я получила его в наследство от Софьи Александровны... кстати, по большому счету, не так уж неправ. И какие выводы я должна сделать? Становится ли он от этого более подозрительным или менее?

Я не успела обдумать последний вопрос. Сюрпризы дня продолжались. На сей раз, для разнообразия, звонок прозвенел у двери.

– Кто там?

– Зинаида Ивановна.

Разумеется, я ее впустила и даже предложила чаю. А она благосклонно согласилась.

– Я случайно проезжала мимо, – пытаюсь мило улыбаться, но лишь скаля вставные зубы, объяснила гостя, – и решила зайти. У вас тут неподалеку продают дешевый сахар.

– Я не знала, что у вас есть мой адрес, – небрежно заметила я.

Еще откуда у Андрея мой телефон, я помнила – в свое время он получил его у Софьи Александровны, поскольку должен был узнать, во сколько я соберусь ехать на дачу. Но Зинаида Ивановна ничего подобного иметь не должна бы. К тому же про сахар – явное вранье. Да будь в моем районе что-нибудь дешевое, она ехала бы не с сумочкой, а с телегой и огромным мешком.

– Адрес мне дала Люба, внучка Софьи Александровны. У меня ведь теперь новые соседи.

– Надеюсь, вам с ними будет легко.

– С ними-то? Да никогда! Вы даже не представляете, что они вытворяют с помойным ведром!

Зинаида Ивановна воинственно фыркнула.

– И что? – любопытствовала я. Убей бог, я представить себе не могла, что такое потрясающее можно вытворять с ведром. Стучать по нему, словно по барабану? Надевать на голову проходим?

– Оно все в разводах.

– И что? – устав ожидать дальнейшей информации, поторопила я.

– Как что? Они его не моют! Я своими глазами видела, как эта Люба несет совершенно грязное ведро! А в ведре – несколько пластиковых бутылок. Да, еще скорлупки от яиц. А что на дне, я не разглядела. Думаю, тоже сплошное безобразие.

Я беспокойно бросила взгляд на мой мусор. Интересно, он тоже состоит из безобразия? И в чем оно выражается?

Впрочем, долго томиться неизвестностью мне не пришлось.

– Вот я, например, – гордо продолжила моя гостья, – пластиковые бутылки разрезаю и использую для рассады. Скорлупа от яиц содержит кальций, ее толкут и дают курам. И у Софьи Александровны я вела хозяйство – любо-дорого поглядеть. Не то что эта вертихвостка. Фу! Противно думать, что такая квартира досталась первым встречным.

– Ну, не первым встречным, а ближайшим родственникам, – не согласилась я. – Внучка – это прямая наследница. А как иначе?

– И много эта внучка у нее появлялась? Нет, кто чаще бывал в квартире, тому она по совести и должна достаться. Вам то есть!

Зинаида Ивановна бросила на меня испытующий взгляд. Я пожала плечами, и та продолжила:

– Правду мне сказали, что свою часть наследства вы выбрали сами? Самое ценное, надеюсь?

– Ну, что вы, – сдержанно возразила я. – Просто Софья Александровна оставила мне на память кое-какие бумаги. Ничего особенного в них нет.

– Да? И что это за бумаги?

– Семейные фотографии и что-то вроде дневника.

– Да? – оживилась Зинаида Ивановна. – Дневник? Знаете, я так любила Софью Александровну. Помогала ей. Совершенно бескорыстно, просто как человек человеку. Вы ведь помните, правда?

– Да.

– Я бы так хотела почитать ее дневник. Вдруг там есть что-нибудь обо мне? Приятно было бы узнать, что мою помощь ценят. Потом я вам все верну в целостности и сохранности.

– Простите, но это невозможно. Это все-таки личные записи. Если бы Софья Александровна хотела, чтобы вы их прочли, она бы сказала. О вас там фактически ничего.

– Фактически? – голос собеседницы дрогнул и изменился.

– Пара загадочных фраз и все. В основном там речь о других вещах. Вы уж извините.

Она извинилась. Более того, даже не раскритиковала мою манеру заваривать чай, хоть я и чувствовала, что язык у нее так и чесался. Однако хорошенько обдумать подозрительный визит я не успела. Вскоре дверной звонок затрещал вновь!

Люба принесла пару астр и бутылку коньяка.

– Меня послал к вам Сережа, – без обиняков сообщила она. – И я решила – почему бы нет? Как раз пора бабушку помянуть. Не с ним же поминать, правда?

Я сварила кофе и наделала бутербродов. С этой свистопляской я почти забыла о том, что совсем недавно лишилась близкого человека. Софья Александровна эти дни словно была рядом со мной.

Мы выпили и закусили.

– Скажите, бабушка, наверное, рассказывала вам обо мне? Ругала?

– Нет, не ругала. Скорее удивлялась.

– Я и сама иной раз удивляюсь. Раньше понятно – молодая я была и глупая. А сейчас что? Привычка, скорее всего. Да и жаль мне его, честно говоря.

– Кого?

– Сережу. Он куда лучше, чем кажется посторонним. Его грубость – от застенчивости. Он по знаку зодиака скорпион и жалит прежде всего сам себя. Я не представляю, как бы он без меня жил. Перессорился бы со всеми.

Я вспомнила:

– Кстати, а зачем он вас ко мне послал?

– Узнать ваши планы. Все боится, что вы на наследство покуситесь. Да еще мучается, не продешевил ли он, отдав вам сверток. Свертком почему-то соседка наша интересуется. Та, которая вечно всех учит.

– Зинаида Ивановна.

– Да. Он с ней успел разругаться в пух и прах. Вы уж не обижайтесь на него, у него такой характер. Ему вечно все не так, но человек он безобидный. Несчастный человек. Давайте лучше еще за бабушку выпьем. Да будет земля ей пухом! И да перестанет она носить мерзавца, который ее убил!

– Да, – кивнула я. – Цветут липы, а она этого не знает. А ведь этот мерзавец, возможно, даже не поднимет на них голову. Ему они ни к чему.

И я взяла на руки Амишку, а тот лизнул меня в нос.

Глава 7

После ухода Любы я попыталась собраться с мыслями. Почему-то все вдруг захотели меня видеть. Не сговариваясь. Вряд ли у меня неожиданным образом возросло обаяние, телепатически приманив в дом гостей. Причины должны быть прозаичнее и проще. Им всем что-то от меня надо.

Начнем с Андрея. Неделю назад я приезжала к нему на дачу и пыталась расспросить о дне убийства. Выяснилось, что, судя по всему, он в этот день ездил в город, однако предпочел поездку скрыть. Скрыть не столько от меня, сколько от собственных уголовных дружков. Что дальше?

Андрей – тугодум. Сперва он с легким сердцем радовался освобождению от ненавистной шантажистки, а потом решил, что на ее место претендую я. Иначе зачем я к нему приставала? Вот он и решил откупиться от меня по налаженной схеме – с помощью автомобиля. Придумать что-нибудь новенькое он не в состоянии. И снова я прихожу к выводу, что Софью Александровну убил не он. Будь он убийцей, повторил бы свое последнее столь удачное действие – удар по голове, и я б лежала сейчас в морге или больнице. Он не стал бы возвращаться к старому, поскольку принадлежит к людям, для которых новая мысль полностью вытесняет все предыдущие, для двух сразу места в их голове не хватает. Разумеется, эти рассуждения – чистая психология, но меня они убеждают.

Теперь Зинаида Ивановна. Она провела, что я получила бумаги Софьи Александровны, и подозревает, что в них есть что-то о ней. Я вздрогнула. Дернул же меня черт на это намекнуть! Если Зинаида Ивановна решит, что я стою на ее пути, она прикончит меня, не дрогнув. Раньше мне как-то не приходило в голову, что пакет, приведший к смерти Софьи Александровны, столь же небезопасен и для меня...

Впрочем, многие ли знают, где он? Чета Бурковых и все, кому те сообщат. Будем надеяться, сия чета не склонна к контактам с посторонними и никому, кроме соседки, тайны не

раскрыла. И вообще, надо постараться не думать о том, что меня могут убить. Все равно не убережешься, а нервы испортишь. Я ведь никого не шантажирую – зачем меня убивать? Это уже будет излишняя предусмотрительность – прикончить шантажиста раньше, чем тот приступил к делу. Так и полгорода можно укокошить.

Вернемся лучше к Зинаиде Ивановне. Она заявила проверить, в курсе я ее махинаций или нет. А я сдуру повела себя неопределенно, вместо того чтобы четко и однозначно изобразить недоразвитую кретинку. Однако сделанного не воротишь. Зинаида Ивановна не сказала мне сегодня ни одной гадости и, следовательно, меня боится. Я прямо паук в центре паутины – то она, то Андрей тихонько паутину трогают, а я тяну к себе. Только вопрос в другом. Сoglасуется ли ее приход с версией, что Софью Александровну убила именно она? Ну, по крайней мере, не противоречит. Ей потребовалось убедиться, что меня тоже следует убить. Или в том, что не следует. Для нее ведь убийство – не плевое дело, она не возьмется за него без необходимости и без определенных гарантий успеха. И вот я снова пришла к тому же, к чему раньше – способ ей не подходит. Она бы выбрала пищевое отравление или бытовую травму. Ударить по голове тяжелым предметом... конечно, Зинаида Ивановна сумела бы, но предпочла бы не рисковать.

Так, осталась Люба. И, разумеется, ее муж. Убила бы Люба Софью Александровну из-за квартиры? Никто меня не убедит, что да. Я с ней беседовала, я видела, как она смотрит, как ходит, как дышит... Она – не ангел, но бабушку из-за наследства не убьет. А Бурков? С ним сложнее. Однако такие, как он, любят страдать и не любят действовать. Он и ко мне-то зайти поручил жене, где уж ему самому пристукнуть старушку! Короче, как ни крути, а первый эшелон подозреваемых – фирма «Сириус» и ее загадочные N.

Я раскрыла тетрадь, чтобы подкорректировать собственные записи в свете последних сведений. Получилось следующее.

«Лерочка, секретарша.

Очень милая. Спит со всеми подряд. Особенно с Костиком и Лёней. А замуж собирается за Юрика. На этот счет есть фото. Простодушна, но себе на уме. Корыстна.

Могла ли она убить Софью Александровну?»

Вздыхнув, я вывела: «Да». Лерочка нравилась мне необычайно, но я понимала, что соображения нравственности вряд ли ее остановят. Она сделает то, что сочтет для себя полезным, и возмутится, если ее осудят. За что осуждать – ей ведь было надо, понимаете, она ведь не просто так! Только вопрос на самом деле в другом. *Надо* ли было ей убивать Софью Александровну? Подвергалась ли Лерочка шантажу? Вряд ли. Чтобы быть шантажируемой, требуется иметь тайну, а в Лерочкиной способности хранить тайны я весьма сомневалась. Она была вся нараспашку, и если с кем спала, так не скрывала даже от жениха. И я закончила: *«Могла, но ей незачем»*, – и перевернула страницу.

«Лёня, коммерческий директор.

Холерик. Спит с Лерочкой. На этот счет есть фото. Привередливый, скупой и потный. Использует служебное положение в личных целях. Имеет деловые контакты с неизвестным типом. Тоже есть фото. А с Костиком у них фигли-мигли.

Хам и наглец. Угрожал мне и говорил, что притворяется простым, а сам все про всех знает».

Я подумала, что если б я искала не убийцу, а шантажиста, то проблем бы не было. Лёня годился на эту роль идеально. А вот на убийцу... Ага!

«Есть его фотографии с каким-то мужчиной. Значит, Софья Александровна что-то о нем знала. Видимо, на фотографии не партнер по бизнесу, а нечто другое».

У меня мелькнула мысль показать снимок неизвестного Костику, но я ее отменила как неоправданно опасную. Вдруг у них троих совместные махинации? Вот и раскрою я свои карты перед врагами. Теперь о главном.

«Мог ли он убить Софью Александровну? Запросто. Он из тех, кого не устраивают разумные компромиссы. Мысль, что кто-то его перехитрил, для него нестерпима. Он вполне способен сперва терпеть и ждать удобного случая, а потом действовать».

И я злорадно приписала:

«Кандидат номер 1».

Ну, кто следующий?

«Витя, главный программист.

Квалифицированный. Без чувства юмора. Честолюбивый и завидующий.

Мог ли он убить Софью Александровну? Кто его знает. Но зачем? Она его не шантажировала и ему не мешала.

Олег, заместитель директора по связям.

Хорош, как бог. Сдержан. Есть фото с двумя дамами – с одной из них несколько кадров. Неглуп и приятен в общении.

Мог ли он убить Софью Александровну? Не знаю. В случае очень большой угрозы – наверное. Что за женщины с ним на снимках? Может ли он их бояться?

Михаил Григорьевич, заместитель директора по снабжению.

Язвенник. Раздражителен. Возможно, смотрел на меня с ненавистью, когда я вышла из кабинета. Почему?

Родственник Соболева. Не любит свою работу. Не думаю, что на меня смотрел он. И не думаю, что его шантажировали. И не думаю, что он убийца».

Не спрашивайте, почему я так решила. Просто человек, недавно убивший другого человека, не мог вести себя так, как Михаил Григорьевич. Его бы не волновали так сильно проблемы потери квалификации. Не сомневаюсь, что они временно померкли бы перед другими проблемами.

«Светлана Петровна, бухгалтер.

Страшна и умна. Скорее всего, смотрела с ненавистью она. Влюблена в Костика?

Несомненно. Могла ли она убить Софью Александровну? Не исключено. Накладные среди бумаг Софьи Александровны, возможно, раскрывают какие-то ее махинации. Если эти махинации опорочат ее в глазах Костика, она способна на все.

Юра, курьер.

Жених Лерочки. Не в восторге от ее шашней с начальством.

Мог ли он убить Софью Александровну? Разве что из-за Лерочки. Наверняка его терпению есть предел.

Костик, директор.

Бабник. На этот счет есть фотографии. Имеет деловые контакты с какими-то типами. На этот счет есть фотографии. С чувством юмора. Бестактный.

Мог ли он убить Софью Александровну? Если б не было ни малейшей возможности договориться с ней по-хорошему. А такая возможность была.

Дима, программист в отпуске.

Разбирается не только в программах, но и в железе. Уехал в Анталию за два дня до убийства».

Вот так. В итоге бесспорным убийцей у меня получился Лёня. Однако я слишком хотела подобного результата, чтобы считать его достоверным. Наверняка я подсознательно что-нибудь подтасовала.

После ужина мне пришла в голову новая гениальная мысль – сличить свои записи с записями Софьи Александровны. Глядишь, кого-нибудь идентифицирую? Мы ведь с ней всегда рассуждали схоже.

Я внимательно перечла:

«Материальные проблемы. Фирма “Сириус”.

№1.

Анатолий Анатольевич Соболев.

Ирина Витальевна Соболева.

Валечка с мясной базы.

Трус. Не пережимать.

№2.

Вениамин Борисович Абрамов, ЧП “АБВ”.

Коммерческие тайны.

№3.

№4!!!

№4.

Водка – ООО “Эридан”.

Мясо – ЧП “Гамма”.

Металл – ООО при СПбМЗА.

№3!!!

№5.

Пастырь.

№6.

Зависть.

№7.

Перекажи поле.

№8.

Простота хуже воровства.

№9.

Терпение до поры до времени».

Результат меня поразил. В трех случаях из девяти совпадение было дословным!

«Витя, главный программист.

Квалифицированный. Без чувства юмора. Честолюбивый и завидующий».

Он, видимо, и есть №6!

«Лерочка, секретарша.

Очень милая. Спит со всеми подряд. Особенно с Костиком и Лёней. А замуж собирается за Юрика. На этот счет есть фото. Простодушна, но себе на уме. Корыстна».

Значит, Лерочка – №8. И наконец,

«Юра, курьер.

Жених Лерочки. Не в восторге от ее шашней с начальством.

Мог ли он убить Софью Александровну? Разве что из-за Лерочки. Наверняка его терпению есть предел».

Он, разумеется, №9! Трех я угадала! Осталось шестеро! Разве не потрясающе?

Возможно, в тот день я совершила бы еще кое-какие криминальные открытия, но помешала не менее серьезная проблема – выбор вечернего туалета. Женщины меня поймут. На следующий вечер предстояло идти в фешенебельный ресторан. А я, откровенно говоря, по ресторанам хожу редко, по фешенебельным и вовсе никогда. В общем, голова идет кругом! Дернул же черт эту Ирину Витальевну Соболеву позвать нас всех на день рождения. Делать ей нечего, честное слово! С ума, наверное, сходит от скуки, вот и сочиняет себе дурацкие развлечения за мой счет. Нет, счет, разумеется, ее мужа, зато нервы мои. Боюсь я, вот что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.